

КОГДА СУДЬБА ТРЕБУЕТ СТАТЬ ЧУДОВИЩЕМ,
ОСТАНЕШЬСЯ ЛИ ТЫ ЧЕЛОВЕКОМ?

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЕВА ЯМА

Ева Йама

Неизбежность

<https://litres.ru/74200078>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Элира Эльдрант, и я обречена выйти замуж за незнакомца.

С пяти лет меня учили быть идеальной женой. Я смирилась со своей судьбой, считая, что знать имя будущего мужа вполне достаточно. Но обещанный брак окажется далеко не самой большой моей проблемой.

Магия, которую меня всю жизнь заставляли считать глупой выдумкой, существует. А древние боги, в которых я верила не больше, чем в детские сказки, живут среди людей. Вместе с этой правдой на мои плечи ляжет непосильная ноша чужих тайн. И чем глубже я буду погружаться в них, тем страшнее окажутся ответы.

Рано или поздно мне придется сделать выбор. Но неизбежность наступает тогда, когда понимаешь: выбора у тебя никогда не было.

Содержание

Глава 1	6
*****	15
*****	18
*****	22
Глава 2	28
Глава 3	34
*****	37
*****	41
*****	43
*****	51
Глава 4	58
*****	62
Глава 5	69
*****	73
*****	79
*****	89
*****	95
*****	99
*****	109
*****	116
*****	119
*****	124
Глава 6	131

Глава 7	139
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Ева Йама

Неизбежность

Глава 1

Снег тихо падал за окнами замка. Сад и все его обитатели мирно спали, ожидая наступления весны. Лишь несколько хищных птиц все кружили над башнями, будто надеялись рано или поздно полакомиться свежей плотью. А во дворце царил беспорядок. Слуги и стража носились по коридорам, сталкиваясь плечами и шепотом ругаясь. Каждый куда-то спешил, словно боялся оказаться не там, где нужно.

Оно и понятно — сегодня король снова женится. И Меггана становится полноправной королевой Тárвелда, и моей мачехой.

Она всегда стоит по правую руку от отца: статная, тонкая талия, роскошные платья — причём всегда только красные, острые плечи, длинные черные волосы, спускавшиеся ниже поясицы. Ее губы были такими яркими, будто она красила их кровью. Но больше всего меня настораживали ее глаза. Серые, настолько светлые, что иногда казалось, они совсем прозрачные. В них редко задерживалось что-то живое.

Мне было двенадцать и по спине пробежал холод, когда наши глаза впервые встретились. Я сразу невзлюбила ее. С самого начала Мег была какой-то приторно-сладкой: все мне позволяла и всегда защищала перед отцом. Любой другой ребенок, наверное, обрадовался, но не я.

Мои опасения были небеспочвенными.

Я не один раз видела, как она жадно смотрит на корону моей матери. Как темными ночами говорит со стражей в глухом уголке сада, нервно оглядываясь по сторонам. Как она жестоко обращается с прислугой. И как ее фальшивая улыбка сочится ядом.

Но были и совсем другие ее стороны, которые ставили меня в тупик.

Меггана часто говорила о моем будущем: просила сократить уроки, чтобы я могла быть просто ребенком. Иногда она тайком забирала меня с уроков, и мы отправлялись в город, посмотреть спектакли. Она выполняла все мои прихоти. И в такие моменты я была ребенком, у меня появлялось детство, о котором я так мечтала.

Вот мне уже пятнадцать, и этого достаточно, чтобы понять: *за вежливостью пряталось что-то иное.*

Мне казалось, что Меганна что-то делает с папой. Но доказать ничего не могла. По какой-то причине никто в замке не замечал, как меняется король. Или не хотел замечать.

Его глаза совсем изменились, да и он сам менялся с пугающей скоростью. Раньше он всегда ходил с гордо поднятой головой и прямой спиной. Теперь же его плечи медленно, но неумолимо опускались, как под невидимой тяжестью, превращая его в сгорбленного старика. Властный, басистый голос стал хриплым и тихим. Голубые глаза, которые когда-то светили ярче любой звезды, постепенно угасали и становились пустыми. Они оживали лишь когда он смотрел на свою

новую возлюбленную.

Перед сном я часто вспоминала, как проходили наши вечера.

Мне было десять. Я виновато поднимала глазки и поджимала губы. Пускала слезу, если было нужно.

—*Элира Эльдрант, я уже говорил тебе, и этот раз последний, не смей пробираться в мой кабинет!*— ругал меня отец, —*Эти книги очень редкие и старые. А еще, они не для детей!*

Мне не хватало маминых сказок. А библиотека не пестрила разнообразием. И я брала книги из отцовского кабинета. Они тоже были так себе. Все про войну. Что-то было про границы. Эта книга показалась мне интересной, потому что на обложке были нарисованы три континента, а снизу, вверх тормашками, еще один. Думала, что это сказка, а оказалось что-то на другом языке.

—*Ты меня поняла?* — строгий голос отца заставлял дрожать, как лист на ветру.

Я часто кивала:

—*Прости, папочка! Я больше не буду!*

—*И чтобы больше не сбегала с уроков! Я больше не буду выслушивать жалобы твоих учителей! Отправляю в сельскую.*

Я боялась сельской школы. Там было много детей и все они неприятно пахли. Бегали куры, кошки и собаки. Всюду была грязь. А многие ужасно кашляли. Некоторые — кро-

вью.

—Нет! Я больше не буду!

Еще как буду. И никакая сельская школа меня не ждала.

Раньше я сбегала с уроков, чтобы послушать, как проходили собрания.

Мне было тринадцать. Я в очередной раз сбежала с урока по верховой езде. Лошадь меня не слушалась и все пыталась скинуть с себя. А учитель, полненький маленький мужчина с неприятным писклявым голосом, ругал меня:

—Говорил я вам —с ней дружить надо! Лаского! Что вы будете ее без причин? Конечно, она будет вас сбрасывать!

Тронный зал был идеальным местом, чтобы спрятаться. Все знали, что я именно здесь. Но никто не осмеливался зайти.

Это была самая большая комната в нашем дворце. В самом конце, на небольшой сцене, стоял отцовский престол. Он был вдвое выше и шире отца. Спинка его была обрамлена красным деревом с красивым узором. Отец заказывал эту работу из Солариана. Говорил, что там красное дерево раньше росло на каждом шагу. И если его срубают, то уже на утро дерево вырастает заново. Я перестала верить в эти сказки еще в девять лет.

Окна здесь были огромные с цветным стеклом. И под лучами солнца зал переливался всеми цветами радуги. Толстые колонны были обклеены маленькими зеркалами, которые преломляли свет и разноцветные солнечные зайчики гу-

ляли повсюду. В детстве я любила гоняться за ними.

Я пряталась с обратной стороны престола. Кидала на пол подушку, из рюкзака доставала виноград и тихо сидела. Слушала.

По обе стороны от трона сидели советники короля. Один из них мне очень не нравился. Высокий, худой, старый. И голос его царапал слух. А глаза — хитрые. Порой мне казалось, что ему куда больше лет, чем он говорил.

—*Ваше Величество,* — начинал советник, —*посол Сола́риана Адам Куп.*

—*Ваше Величество.*

Голос посла оказался мягким и успокаивающим. Что нельзя было сказать про отца. Строгость. Уверенность. Непокколебимость. Он тогда уже был болен, но еще мог вести свои дела.

—*С горечью сообщаю, что Его Величество король Сола́рии скончался.*

Дерево слегка скрипнуло под тяжестью тела отца и толкнуло меня в спину.

—*Отправьте королевской семье мои соболезнования и соберите дары. Адам, прошу вас взять все необходимое для похорон.*

—*Спасибо, ваше Величество.*

—*Я не смогу присутствовать. Поэтому напишу письмо. Зайдите вечером,* — голос отца дрогнул и легкий кашель эхом разошелся по залу. —*Кто теперь примет бразды прав-*

ления?

— *Принцы еще юны...* — начал Адам, но советник перебил его.

Это был мужчина чуть старше отца. Он был полноват, но всегда плескал энергией. А еще казался мне смешным из-за его длинных усов, которые закручивались кверху. Он говорил очень низко, и всегда запинаясь. Папа называл его евнухом. Тогда я не знала значения этого слова и думала, что так его и зовут. Став постарше, просила прощения, но продолжала называть его Нух.

— *Ваше Величество, э думаю, э, это стоит обсудить с, э, королем Вальтером. Важно, чтобы, э, регент...*

Отец ударил кулаком по подлокотнику.

— *Сначала дослушайте гостя.*

— *Прошу, э, прощения, мой, э, король...* — голос его дрожал.

Я выглянула и краем глаза увидела, как Нух пятится, кланяясь.

— *Что на счет королевы?*

Тишина на несколько секунд заполнила зал и я услышала, как дыхание отца учащается. Сердце вдруг сжалось. Захотелось выскочить и прогнать всех, чтобы папа ушел отдыхать.

— *Плохо дело,* — вздохнул отец и постучал пальцами по дереву, — *Есть кто-то на примете?*

По толпе разошлись шёпоты. Не могла разобрать о чем они говорили.

—Адам, в полночь выступайте в путь. У Вальтера есть человек. Оттуда сразу скачите домой. Не задерживайтесь!

Что-то насторожило меня в тоне отца. Он будто волновался и боялся.

—Да, Ваше Величество!

Я просидела там несколько часов, пока мои ноги не стали неметь.

Отец раздавал указания о постройках, торговых путях и армиях. Зачем-то большую часть отправляли на Шелковые перевалы между Мёрвейндом и Соларианом.

Мне тогда думалось, что грядет еще одна война.

Но нет.

Пришел голод.

Прогуливаясь за пределами дворца я наблюдала, как дети бродят, словно живые трупы: кости, обтянутые кожей, огромные животы, грустные глаза.

Люди убивали за последнюю крошку черствого хлеба.

Мое сердце наливалось кровью. И я все реже выходила за ворота.

Весна становилась короче. Ее и без этого было мало — всего два месяца. Еще сократились поставки продовольствия из Солариана.

—Там дела совсем плохи... — сказал как-то отец за ужином.

—Что-то серьезное? — голос Мегганы был нежным и спокойным, казалось, ее не заботили эти вопросы.

—*Урожай сгорает. Его становится только меньше,* — отец потирал переносицу и погружался в мысли. — *Думаю, стоит поставить еще теплицы и привести из окраин людей...*

—*Дела Солариана должен решать их король...* — все так же спокойно отвечала Меггана, попивая вино.

—*Ты прекрасно понимаешь, в чем дело...*

—*Понимаю.*

А когда мне исполнилось четырнадцать, папе стало совсем плохо. Он перестал меня замечать. Для него я стала тенью во дворце — а значит, и для всех остальных. Только моя нянечка грустно вздыхала, каждый вечер сидя рядом со мной, обещая не уходить до самого утра. Я боялась, что Меггана доберётся и до меня. Что однажды проснусь такой же пустой и чужой, каким стал теперь отец.

А я не хотела терять рассудок.

Я хотела спасти папу.

Вернуть того человека, который любил меня всем сердцем и оберегал от любой, даже самой незначительной угрозы, а иногда и ругал за мое безрассудство.

И вот сейчас, стоя у окна в своей комнате, погруженная в теплые воспоминания, я тихо плакала. Меня терзала реальность, в которой отец уже не сможет самостоятельно выйти к гостям. Где эти же гости будут улыбаться и делать вид, что все хорошо: пожимать ему руку, желать долгих лет жизни и счастливого брака.

Но долго ли продлиться его жизнь?

К началу свадьбы балльный зал был уже полон людей. Отец сидел на престоле, склонив голову. Меггана улыбалась за двоих и часто поправляла позу отца. По губам я читала:

—Фред, милый, расправь плечи...

Отец выдавливал подобие улыбки и на несколько минут поднимал голову. Но каждый раз возвращался в позу умирающего старика.

Мне казалось, что люди приехали не на свадьбу, а на заранее спланированные похороны. Были лорды и генералы из всех трех континентов. Особенно выделялся король Эштор Вальтер — правитель соседнего континента Мёрвейнд, граничившего с нами на западе. Он был другом моего отца еще со времён Континентальной войны, которая длилась около ста лет.

Ее причиной стала смерть последнего императора древней империи Астёр. После него не осталось законного наследника, и началась борьба за власть. Особенно ожесточённые сражения шли за Шелковые перевалы — главные торговые пути континентов. Именно там, в одном из самых кровавых сражений войны, впервые встретились два юных солдата — Фредрин Эльдрент, мой отец, и Эштор Вальтер. Спустя семь лет война закончилась. Старые династии были почти уничтожены, и на престолы взошли новые правители. Среди

них были и два молодых героя войны: мой отец и Вальтер. Чтобы сохранить мир, они поклялись, что их дома всегда будут союзниками. А лучшим способом закрепить союз стал брак между их детьми. Так, моя судьба была решена еще до того, как я научилась ходить.

Если быть честной, я никогда не видела своего будущего мужа. Конечно, уже в этом году я стану его законной женой и наследной королевой его земель, но до этого мне оставалось только фантазировать, каким он будет.

Сейчас, глядя на короля Вальтера, я вырисовывала в воображении его сына. Король был высок и статен, и я не сомневалась, что его сын унаследовал эту величавую осанку. Темно-карие глаза, почти черные, взгляд из-под бровей, делающий лицо суровым. Казалось, что в этом взгляде уже скрыта власть, а может, и что-то опасное. Сын Вальтера был старше меня всего на три года, но, возможно, его юное лицо уже обладало той же холодной грозностью. Губы короля были тонкой полоской, и я надеялась, что у его сына они будут более пухлые — маленькая слабость, которую я себе позволяла. С волосами было сложнее: Вальтер всегда стригся коротко, и это делало его еще более строгим, почти устрашающим. Иногда мне казалось, что в наследнике отца уже есть что-то, чего я должна опасаться, хотя сама еще не понимала, чего именно.

Да, глядя на отца, трудно во всей красе представить его сына. Но внутри меня тихо, как шепот, поселилось тревож-

ное чувство: иногда величие и власть приходят с ценой, и иногда эта цена оказывается слишком высокой.

Вечер тянулся почти бесконечно. Толпа сгущалась. Воздуха было все меньше. Луна пробивалась сквозь цветное стекло и играла на стенах и потолке. Музыка звучала все громче и пары выходили танцевать, выкрикивая что-то на ходу.

Я вгляделась в Вальтера. Показалось немного странным, что он прибыл один. Без жены. А потом я заметила, как он куда-то смотрит. Убийственно холодно. Проследила — и сразу увидела ее.

Меганна.

Я поняла: нужно действовать.

Протиснулась сквозь толпу к Вальтеру и поклонилась, как подобает. А затем, улыбаясь, сквозь зубы сказала:

— Вы тоже заметили, что отец сильно изменился?

Вальтер слегка опустил голову и ответил едва заметной улыбкой:

— Еще бы — он наклонился ко мне и шепотом добавил, чтобы никто не слышал, — Я точно уверен, что уже видел ее но не могу вспомнить, как бы ни старался.

Не мог вспомнить? Что это вообще значит?

Я слегка нахмурилась, глаза выдали смесь непонимания и страха:

— Что вы имеете в виду, дядя Эштор?

Вальтер замялся, поняв, что сказал лишнее, но я уже была настроена узнать все.

— Элира, — обратился ко мне король, почти с отцовской нежностью, — как насчёт того, чтобы покинуть дворец со мной? Тогда я смогу тебе все поведать

Я потеряла дар речи. Я должна была отправиться в дом Вальтеров в свой шестнадцатый день рождения с отцом и... новой мамой. Почему он хочет забрать меня так скоро? Мысли бились друг о друга, а сердце о ребра.

Медленно оглядела зал. Гости смеялись, перемещались между столами, пили вино — все выглядело привычно и спокойно. Но мой взгляд тут же зацепился за стражников. Их спины были прямыми, плечи напряжены, глаза метались по залу. Один едва заметно скользнул к двери, другой задержал взгляд на потолке, высматривая что-то. Мельком они переглядывались, а руки на рукоятках мечей дрожали едва заметно.

Прислуга тоже казалась странной: кто-то неловко споткнулся, другой резко изменил направление, третья служанка мельком бросила взгляд в темный угол зала, будто боится, что кто-то наблюдает. Эти мелочи складывались в ощущение надвигающейся опасности, хотя гости вокруг были спокойны и ни о чем не подозревали.

Но сердце не верило в нормальность и куда-то невидимо толкало себя с каждой секундой.

Вальтер был рядом. Он мягко накрыл своей большой ру-

кой мою — крепко и успокаивающе.

— Все в порядке, — прошептал он, наклонившись. — Не переживай.

Я вдохнула, пытаясь отпустить тревогу, но мой взгляд тут же упал на Меггану.

Темная фигура скользнула через расступившуюся толпу, легким шагом, почти бесшумно. Ее красное платье переливалось в свете ламп, черные волосы струились по плечам, а улыбка была слишком яркой, слишком уверенной. На шее блеснул черный медальон, который раньше я не видела.

Вальтер слегка сильнее сжал мою руку, отрывая от мыслей. Он был якорем в этом море опасности. Но ледяная тревога охватила меня, когда Меганна приблизилась к нам.

— Милая, — начала мачеха с яркой, почти приторной улыбкой, — представишь мне своего друга?

Королева перевела взгляд на Вальтера, и я готова поклясться, что на мгновение увидела в ее глазах вспышку ненависти. Ни холодного раздражения — нет. Это было что-то темнее. Как будто она готова была убить его прямо здесь, посреди зала.

Я замялась, сглотнула ком в горле. Уже собиралась представить Вальтера дрожащим голосом, но он опередил меня.

— Друга? — холодно переспросил он. Его взгляд скользнул по Меганне с головы до ног — медленно, презрительно. — А вы, миледи, похоже, не слишком готовились к празднеству.

Ощутила, как его рука чуть крепче сжала мою. В этом простом жесте была уверенность и злость, и почему-то часть этой силы передалась и мне.

— Прощу прощения? — ответила мачеха. Ее улыбка осталась безупречной, но в голосе зазвенело едва заметное раздражение.

— Король Морвейнда из дома Вальтер. Мое имя — Эштор, — спокойно произнес он. — Я давний и верный друг отца девочки.

Я была почти уверена, что он сделал это нарочно. Дядя Эштор явно что-то знал или хотя бы подозревал. И это я понимала совершенно ясно.

Меганна перевела на меня свои бледно-серые глаза. Я заставила себя улыбнуться.

— Элира, — мягко сказала она, — не могла бы ты провести отца? Он у себя в комнате.

— С ним что-то случилось? — испугалась я.

— Нет, нет, что ты, — ответила она все с той же безупречной улыбкой. — Просто устал и выпил чуть больше, чем следовало.

Она продолжала смотреть на меня своими пустыми, почти прозрачными глазами, и от этого взгляда по спине пробежал холод.

Меггана Эльдрант

День начался так же, как и десятки предыдущих. Я помогла Фреду умыться, проследила, чтобы он хоть немного позавтракал, а затем вывела его в сад. Врачи говорили, что ему нужно больше свежего воздуха. Но все мы знали причину его болезни и что никакой ветер не поможет ему поправиться.

Фред медленно брёл по дорожке, тяжело опираясь на мою руку. Каждый шаг давался ему с усилием. Иногда казалось, что он идёт только потому, что не хочет показывать слабость.

— Я... — начал Фред, заливаясь кашлем, — я попросил Вальтера забрать Лиру...

Приступ согнул его пополам. Такой сильный, что я невольно придержала его за плечи, опасаясь, что он упадёт прямо на гравий.

С каждым днём смотреть на это становилось тяжелее. Когда-то этот человек мог сражаться несколько суток подряд, не выпуская меч из рук. Тогда мы были по разные стороны баррикад. Но с тех пор утекло много воды. Теперь он задыхался после нескольких десятков шагов.

Я дождалась, пока кашель немного стих.

— Почему так скоро? В этом нет необходимости.

Он долго молчал. Казалось, собирал силы не для ответа, а просто для следующего вдоха.

— Я думаю...

Ещё один приступ заставил его закрыть рот ладонью.

Я осторожно развернула его к дому. Было больно каждый раз наблюдать за этим. Но и помочь я не могла.

— Идем в дом...

— Я думаю, что нужно ее увести... — продолжил Фред, — Чтобы никто не знал. Если ее мать была права, — он сделал глубокий вдох, сдерживая новую волну разрывающего горло кашля, — А она не права, я это точно знаю...

— Тогда зачем?

Он посмотрел на меня. В его потускневших глазах всё ещё жила та же решимость, из-за которой люди когда-то добровольно шли за ним на войну.

— Если есть хоть капля правды в словах Элбуэн, то пусть Лира уедет.

Я опустила взгляд.

С Элирой всё всегда было непросто. Перед смертью Элбуэн я дала ей слово. Не Фреду. Ей. Обещала стать женой её мужа. Обещала занять её место рядом с их дочерью. Обещала защищать девочку так же, как защищала бы собственную.

Я старалась. Правда старалась.

Только Элира никогда не позволяла приблизиться настолько, чтобы почувствовать себя матерью. И винить её в

этом было невозможно. Если смотреть со стороны, я действительно выглядела холодной. Время научило меня не показывать слабость. Сначала это была маска. Потом привычка. А однажды я перестала понимать, где заканчивается одно и начинается другое. Поэтому, когда дело касалось Элиры, я всегда вспоминала Элбуэн. Что бы она сделала? Что сказала бы?

Фред воспитывал дочь из страха. Элоуэн воспитывала её будущим. И их желания все чаще расходились. Я не имела права выбирать между ними. Поэтому лишь коротко кивнула. Спорить с Фредом, даже больным, было все равно, что биться о железную дверь.

Свадьба получилась куда пышнее, чем мы рассчитывали. Во двор стекались дворяне со всех трёх континентов. Музыканты, купцы, дипломаты, дальние родственники, о существовании которых никто не вспоминал годами. Людей было столько, что казалось, будто сам замок стал теснее.

Мне это не нравилось.

Поэтому ещё утром я приказала усилить стражу. Каждому караулу выдала отдельные распоряжения. Следить за воротами. Проверять приглашения. Запоминать незнакомые лица. Не выпускать из виду пустые коридоры. Фред называл это чрезмерной осторожностью. Я называла опытом. Опыт редко ошибается. Именно поэтому мужчина, разговаривавший сейчас с Элирой, не понравился мне сразу. Я ещё не успела разглядеть его лицо. Но интуиция уже требовала держаться

настороже.

Высокий. Тёмный камзол. Спокойная осанка человека, который привык входить куда угодно без приглашения.

Элира улыбалась ему слишком свободно. Мне это совершенно не понравилось. Я приблизилась, сохраняя самую приветливую улыбку, на какую только была способна.

— Милая, представишь мне своего друга?

Мужчина медленно повернулся. Наши взгляды встретились. И я сразу пожалела, что подошла.

— Друга? — переспросил мужчина.

И тут же принялся осматривать меня. Его взгляд неторопливо скользнул по моему платью. Да еще так нагло, словно шлюху собирался снять.

— А вы, миледи, похоже, не слишком готовились к празднеству.

— Прошу прощения? — я изо всех сил старалась сохранить безупречную улыбку, но в голосе все равно зазвенело раздражение.

— Король Морвейнда из дома Вальтер. Мое имя — Эштор, — спокойно произнес он. — Я давний и верный друг отца девочки.

Имя ударило сильнее пощёчины.

Вот же...

Я столько лет надеялась больше никогда его не увидеть. Находиться с этим человеком в одном помещении было так же противно, как стоять у гниющего трупа.

Элира удивлённо переводила взгляд с меня на него. Она ещё ничего не понимала. И слава Богам.

— Элира, — как можно мягче я обратилась к девочке, — не могла бы ты проведать отца? Он у себя в комнате.

— С ним что-то случилось?

— Нет, нет, что ты. Просто устал и выпил чуть больше, чем следовало.

Элира не стала ждать разрешения. И я была рада, что она не услышит нашего разговора.

— Значит, всё-таки добралась до трона.

Эштор смотрел на меня так, будто перед ним стояло старое привидение.

— Не ожидал?

— Ожидал многого, — он медленно усмехнулся. — Но не этого.

Я выдержала его взгляд. Перед глазами вспыхнули переговорные залы. Крики. Рассыпанные по полу документы. Нож, воткнувшийся в дверь моей спальни. Яд в кубке. Наёмник, пробравшийся ночью через окно. И каждый раз за этим стоял один и тот же человек.

Тогда ему было недостаточно победить в споре. Он хотел, чтобы я вообще перестала существовать. Потому что женщине не место среди правителей. Потому что мой дом давно утратил влияние. Потому что, по его мнению, я родилась не того пола. А теперь именно мне принадлежала корона, с которой ему приходилось считаться. Наверное, судьба всё-

таким умела смеяться.

— В этот раз пришлѐшь убийцу сразу или сначала яд? — спросила я, отворачиваясь от гостя.

— Фред вообще в курсе кто ты такая, Мег? — спросил Эштор и я уловила ту же нотку неприязни, что пряталась и в моем голосе.

— Если ты считаешь меня врагом, беги и расскажи ему все, — я приблизилась к нему так близко, что могла ощутить его гнев кожей, — но ты знаешь, что я здесь не просто так. Мне достанется не только корона. Тебе ли не знать?

Эштор не ответил. Хотел. Я видела. Но слова так и не покинули его мысли.

— Я забираю...

— Я знаю, — перебила я, — Если с ней что-то случится, — кулаки сжались сами собой, — отвечать будешь передо мной лично.

Эштор только усмехнулся. Обошел меня, толкнув в плечо. Наигранно поклонился и сказал:

— Ты мне не соперник.

Пришла моя очередь промолчать. Вскрывать все карты было бы глупым решением. Пусть считает меня слабее. Пусть считает, что знает обо мне всё. Но, за столько лет, я успела убедиться: люди чаще всего погибают не от чужого меча.

Их убивает собственная уверенность.

Глава 2

Я неслась по длинным коридорам замка. Казалось, грудь треснет под напором ударов сердца. Ноги то и дело норовили подставить меня и отказаться бежать дальше. В голове была тысяча мыслей — и все, почему-то, только плохие. Перед глазами всплывали картины, мешая мне ясно видеть путь. Вот я врываюсь в комнату к отцу — а он бездыханно лежит на кровати.

Или у камина в кресле.

Или у открытого окна.

Или того хуже...

За окном. На брусчатке, где его кровь рисует круги, впитываясь в те уголки земли, куда еще могла просочиться.

Я молилась всем Богам, о которых только могла знать. Вспомнила рассказы мамы, когда мне было три года. Она поведала мне тогда о своих Богах. О тех, кого уже забыли и долгие века не вспоминали. И только она и ее народ могли говорить о них тайно в небольшой зале, где собирались тёплыми вечерами. Я не помнила их имён, мне хватало и того, что я про них что-то да знала.

Остановилась у двери. Комната отца прямо за ней. Но я не спешила войти. Странно, я же так боялась опоздать. А ведь даже не знала, что меня ждет. И может все мои мысли просто страх и не более?

Я прислушалась.

Тишина.

С силой зажмурилась, словно это могло защитить меня от того, что ждет за дверью. Снова вспомнила всех Богов и осторожно толкнула дверь. Глаза упали на кровать.

Никого.

Ни отца.

Ни крови.

Медленно вошла.

— Паап? — тихо протянула я, дрожащим голосом, еще не отдышавшись.

— Эли?

Я повернулась к горящему камину. Он сидел в кресле и смотрел на меня — так же, как раньше.

С теплом.

С любовью.

— Ты в порядке? — спросила я. Сердце успокоилось и больше не желало покинуть тело. Дыхание выровнялось. Тревога немного отступила, но все еще была рядом — готовая в любой момент накрыть меня снова.

— Да, — отец еле улыбнулся и перевёл взгляд на огонь, — я рад, что ты пришла. Мне нужно тебе кое-что сказать. Ты будешь слушать меня внимательно. Не перебивать. А после сделаешь все в точности, как я скажу.

В его тоне пронеслись те самые нотки строгого отца. Как прежде. Но все еще с заботой. Я быстро закивала и уселась

рядом, у его ног, положив голову ему на колено. Тяжелая и грубая рука отца нежно прошлась по моим волосам.

— Элира, — начал отец, — я уверен, что Эштор уже сделал тебе предложение поехать с ним. Я хочу, чтобы ты приняла это приглашение. По некоторым причинам я не могу сказать тебе всего. Но знай, что так будет лучше и для тебя и для меня.

Отец тяжело вздохнул. Я даже осмелилась подумать, что эти слова причиняют ему боль. Физическую.

— Эштор тебе все объяснит и позаботится о том, чтобы ты получила все самое лучшее и достойное тебя. Ты должна верить ему и не перечить. Пообещай, что будешь слушаться.

Я подняла голову на отца и мне ужасно захотелось зарыдать и закричать.

Я не хотела покидать отца.

Я хотела его спасти.

А он хочет от меня избавиться?

— Эли, — отец прикоснулся к моей щеке и вытер слезу, которая только собралась упасть, — не смей возвращаться, пока не будешь готова.

Мои глаза округлились от этих слов.

Что это все значило?

Отец что-то знал, но не мог мне сказать.

Почему? Что ему мешало? Это все мачеха? Или я смотрела не туда? Или моя личная неприязнь затмила разум?

Или ... или... Было слишком много «или». Слишком много

догадок.

Кинулась в объятия отца. Он крепко обнял меня. Я ощутила себя той маленькой пятилетней девочкой. Как тогда, когда я упала с лошади. Или когда умерла мама, мне было семь. Все те воспоминания, а их было много, когда отец так же сжимал меня в объятиях и весь мир был мне нипочем.

Но не сейчас.

Сейчас все трещало по швам.

— Я не хочу тебя бросать. Я не могу тебя оставить! — рыдала я в его плечо.

А отец лишь нежно гладил меня по спине и повторял:

— Можешь и сделаешь. Потому что так надо и потому, что я так сказал. Я буду ждать тебя. Когда ты вернешься я все еще буду здесь. Живой и здоровый. Обещаю, — улыбнулся отец.

Крепко сжала его в объятиях, а потом отстранилась. Глаза затмевала пелена слез и я смутно видела отца, но точно знала, что он смотрит на меня с любовью и заботой.

Кивнула.

Согласилась уехать.

Понимала, что отец никогда бы не сделал ничего, что могло бы мне навредить. А во всех причинах я разберусь. Обязательно.

Сердце разрывалось на части. Видеть отца таким — пустым, отстраненным, почти что мёртвым — резало без ножа. Его глаза провалились и кожа свисала под собственной

тяжестью. Я сжимала кулаки до побеления костяшек, смотря на его руки: тонкие, слабые. Замечала, как он изо всех сил борется с болезнью. Но она побеждала каждую секунду. И осознание, что ни один доктор не справился, била по вискам со словами: *это ваша последняя встреча.*

Дверь скрипнула.

Обернулась.

На пороге стоял парнишка — один из слуг .

— Его Величество король Вальтер ожидает вас, моя принцесса, у вашей комнаты.

— Спасибо. Я уже иду.

— Эли, я люблю тебя и буду ждать домой, — сказал папа, а потом его глаза снова померкли. Улыбка сошла с губ. Он отвернулся от меня и замер, точно живая статуя.

В коридоре, через открытую дверь, я слышала шаги. Это была Меггана. За то время, что она жила у нас, я выучила все звуки, которые она издавала: шаги, смех, недовольное постукивание ногтями.

Я смахнула слезы. И сделала это очень вовремя. Она вошла.

— Эли, деточка, — с широкой улыбкой начала Мег, — это правда, что ты нас покидаешь раньше времени? — она сложила руки у сердца, изображая глубокую печаль.

— Увы... — тихо произнесла я и еле улыбнулась. Не хотела вести с ней диалог и не хотела слушать о том, как она меня любит и прочее, прочее, прочее... А говорила она это

очень часто и с каждым разом слова теряли ценность и больше походили на необходимость, чем на искренность.

— Детка, может я поеду с тобой? Тебе так будет легче все это перенести...

— Спасибо, за предложение... мама, — слово далось мне с трудом, — но я думаю, что вам лучше остаться с отцом.

— Наверное, ты права.

Она подошла к двери и схватилась за ручку, открывая ее еще шире. Что было явным приглашением покинуть комнату. Как я и сделала.

Глава 3

У моей комнаты ждал Вальтер. Он стоял лицом ко мне и не источал ни одной эмоции. Его всегда было сложно прочитать. Зато он мог прочесть каждого.

Я поклонилась, когда подошла достаточно близко. Он лишь склонил голову.

Никогда не понимала зачем он это делает. Он ведь король и не обязан склонять голову или выказывать уважение. Тем более я совсем девчонка.

— Элира, — тихо и серьёзно произнес Вальтер, — переодевайся в самую удобную одежду. Мы поедем верхом. Думаю, что у тебя есть что-то подходящее.

— Уже сейчас? — так же тихо спросила я, будто нас мог кто-то услышать, сидя в темных углах коридора, где глаза не могли развеять мрак.

— Немедленно, — это все, что он сказал и открыл мне дверь.

Молча вошла. Слезы снова подступили, но я не позволила им пролиться. Я ничего не понимала. Незнание давила. Обстановка казалась чужой и пугающей. Чем больше приходилось строить догадки, тем сильнее рос страх.

Грустно оглядела комнату. Пыталась запомнить каждый уголок и каждую мелочь. Понимала, что, возможно, стою здесь в последний раз. А если не в последний, то вернусь еще

не скоро.

Закрыла дверь и на мгновение прислонилась к ней спиной. Тишина комнаты показалась странной и непривычной после всего, что сегодня случилось. И того, что еще могло случиться.

Затем медленно прошла к шкафу и распахнула тяжелые деревянные створки. Внутри висели десятки платьев — шелковые, бархатные, расшитые золотыми нитями. Платья принцессы. Платья для балов, приёмов и церемоний. Я их не очень-то и любила. Хорошо, что сейчас они были не нужны.

Провела рукой по мягкой ткани и остановилась на тёмно-синем костюме для верховой езды. Он был простым по сравнению с моими платьями, и за это любила его больше всего. Плотные брюки, высокая рубашка с застёжками и короткий камзол, который не мешал держаться в седле.

Быстро расшнуровала платье и позволила тяжелой ткани соскользнуть на пол. На мгновение стало холодно, и я поежилась. Натянув брюки, заправила их в высокие кожаные сапоги. Кожа была мягкой и уже давно приняла форму моих ног — отец подарил их мне несколько лет назад. Кто бы знал, что тот день будет последним проведённым вдвоем. Сразу после он встретил Меггану и я больше не имела особого значения. Застегнула рубашку и надела камзол. Ткань плотно легла по фигуре, сразу делая движения легче и свободнее. Волосы мешали. Быстро собрала их и туго перевязала лентой, которая первая попалась под руку.

На мгновение остановилась перед зеркалом.

Оттуда на меня смотрела не принцесса в дорогом платье. Передо мной стояла девочка, готовая к дороге. Но такая напуганная и растерянная, не понимающая, что ее ждет. Девочка, которая хотела спасти отца, но не понимала, что для этого нужно.

Я глубоко вдохнула. Кивнула сама себе. Медленно оглядела комнату еще раз — кровать, окно, маленький стол у стены, где я когда-то училась читать, кресло, в котором нянечка рассказывала мне сказки перед сном. Я задержала взгляд на всем этом чуть дольше, чем следовало. И решительно вышла из комнаты, не оглядываясь.

Вальтер ждал.

И дорога тоже.

Вальтер крепко держал меня за руку и уверенно шагал по коридорам дворца. Его шаги были быстрыми, почти бесшумными. Но он вел меня совсем не тем путём, которым обычно идут в конюшни. Мы уже третий раз проходили один и тот же коридор. Я нахмурилась и тихо спросила:

— Дядя Эштор... вы не заблудились?

Он даже не посмотрел на меня:

— Нет.

Мы снова свернули за угол. Я была уверена, что видела этот гобелен несколько минут назад.

— Тогда... почему мы ходим кругами?

— Нас должны видеть, — спокойно ответил он.

Я не сразу поняла:

— Видеть?

— Все, — коротко сказал король. — Слуги. Стража. Любый, кто встретится.

Опустила взгляд на свой костюм для верховой езды:

— Но на мне одежда для дороги.

Вальтер едва заметно усмехнулся:

— Поверь мне, Элира, никто не запомнит, во что ты была одета.

— Почему вы так уверены?

Он наконец взглянул на меня — коротко, внимательно.

— Потому что никто не смотрит по-настоящему. Люди видят лишь то, что привыкли видеть. Принцессу во дворце. Гостя рядом с ней. Мы гуляем. Разговариваем. Ничего необычного, — он слегка сжал мою руку, — Это они и zapomнят.

Мы снова прошли мимо двух стражников. Они почтительно склонили головы и сразу отвернулись.

— Почему никто не должен знать, что мы уезжаем? — прошептала я.

— Они знают, что ты уедешь, — ответил Вальтер. — Но не знают когда. Я сказал — через неделю, — он остановился у поворота и быстро оглядел пустой коридор, — А мы уезжаем сейчас.

Холодок скользнул вдоль позвоночника.

— Чтобы не было хвоста, — тихо добавил он. — Я не собираюсь приводить шпиона в свой дом.

После этого я больше не задавала вопросов. Все равно не понимала происходящего. Чувствовала себя рыбой, которую выловили из родного пруда и бросили в чужую воду. Пыталась найти хоть что-то знакомое, хоть что-то привычное — но вокруг все было чужим.

Мир, в котором я выросла, начал рассыпаться все быстрее .

И я больше не знала, где мое место.

Мы гуляли по коридорам еще минут двадцать прежде, чем выйти на задний двор. Оттуда мы направились к воро-

там, которые ограждали дворец от реки Каэль.

Сады сейчас спали. Их нежно окутало снежное одеяло. Весной тут особенно красиво. Фруктовые деревья, которые, не знаю как, смогли прижиться в нашем климате, цветут пышным цветом. Некоторые из них я так и не запомнила. Но сейчас с тоской оглядывала каждое, вспоминая ту красоту, которую увижу еще не скоро. Я вспомнила, как мы с отцом и мамой, гуляли здесь днями на пролёт. Аромат фруктов и цветов ударил мне в нос. Я перенеслась в те дни. Солнце тогда светило ярче, смех был звонче, небо чище, без единого облака.

Мама была жива.

Отец был собой.

А я была совсем кроха, которая не знала, что такое смерть.

Скрип ворот вернул меня в реальность. Вальтер спешил к реке. Не знаю почему, но она никогда не замерзала. Даже в самые жуткие морозы, которые уносили самых сильных.

Сейчас на берегу стояла небольшая лодка. В ней кто-то сидел. Вальтер протянул мне руку, приглашая сесть. Я осторожно ступила на борт.

— Сейчас нам надо добраться до ближайшей деревни, там ждут лошади, — объяснил Вальтер.

А я не сводила глаз с парня. Не могла его разглядеть. Лицо он прятал под длинным капюшоном.

Плыли мы молча. Вальтер все время смотрел по сторонам, выискивая тех, кто мог увязаться за нами. Я же все всмат-

ривалась в темноту капюшона. Парень явно был молод. Возможно, чуть старше меня. Во дворце было достаточно мальчишек моего возраста, и старше на несколько лет. Я видела сходства с ними и парнем, сидящем напротив меня. Плечи не такие широкие и массивные, как у Вальтера. Руки в перчатках еще не мужские, но уже не детские. Ему явно было около семнадцати лет. Если, конечно, ночной мрак не искажил картинку.

Я потеряла счет времени. Казалось, мы плывём вечность, и тишина растягивала это ощущение. Подняла голову к небу.

— *Там, далеко за пределами наших земель, живут Боги,*— говорила мне мама, смотря на ночное небо, — *У них свои законы, порядки, своя культура. И свои враги.*

— *А что они сделали, чтобы у них были враги?*— спрашивала я.

Мне было пять. Не думаю, что тогда я в полной мере понимала смысл всех слов.

— *Просто в мире, в любом мире, есть такие люди, которые могут завидовать тебе,*— мама нежно погладила меня по щеке и ее глаза стали грустными, — *И их зависть может перерасти в гнев, ярость и принести много бед. Боги верят, что зависть и гнев порождает самую сильную магию.*

— *Мамочка, но ведь магии не существует!*— возразила я и звонко засмеялась.

— *Все-то ты знаешь...*— улыбнулась мама и защекотала меня, — *Лира, однажды ты...*

Дальше я не помнила. Сколько бы ни пыталась — ее последние слова ускользали из памяти.

— Прибыли. Элира, ты первая.

Вальтер протянул мне руку и помог выйти из лодки. На берегу стояли три черные лошади — запряжённые и готовые

к пути.

По-прежнему незнакомец скакал впереди. Затем Вальтер и я.

Мне явно не хватало опыта. Я сильно отставала. И Вальтеру приходилось часто замедляться, чтобы не терять меня из виду.

Мы скакали по узкой тропе, в глухом лесу, в крошечной тьме. Мне было страшно, что какой-нибудь зверь может выскочить из-за любого куста и разорвать как меня, так и мою лошадь.

Может поэтому я ехала медленнее остальных? Может лошадь чувствовала мой страх и потому не гнала быстрее?

— Элира, нужно поспешить! — строго сказал Вальтер и вырвал меня из моего воображения. Там я уже лежала в луже крови, а огромный зверь потрошил мои кишки с довольной мордой.

— Я стараюсь! — крикнула так, чтобы ветер не унёс мои слова, — Лошадь не идет быстрее!

Вальтер хотел мне возразить, но парень, ехавший впереди, замедлился и поравнялся со мной. Теперь я видела его. Ему и вправду было не больше восемнадцати. Черные глаза в свете луны иногда поблескивали, отражая ее свет. Взгляд суровый, тяжелый из-под густых черных бровей. Скулы были напряжены так сильно, что я видела как ходят мышцы на

его лице. Черные волосы были чуть длиннее, чем у Вальтера. Временами они падали ему на глаза. Я увидела явное сходство с королем.

И только сейчас поняла.

Передо мной все это время был мой будущий муж.

Я даже немного потерялась. Взгляд вызывал во мне тревогу и я невольно боялась его. Казалось, он знал обо мне больше, чем я сама.

Мои глаза забегали в разные стороны. Старалась не смотреть на него. Руки сжали поводья до боли в пальцах. Тело напряглось. Я была еще совсем юной, чтобы выходить замуж. И именно эти мысли меня сейчас волновали: *я не хочу замуж, не хочу за него.*

Он слишком приблизился, что я почувствовала легкое тепло его одежды и едва уловимый запах кожи. Его локоть почти касался моего. Краем глаза я заметила, как он поднимает руку.

Замахивается. Что он собирается сделать?!

Сердце рвалось наружу, дыхание застыло в груди. Я сжалась, насколько могла. Зажмурила глаза.

И вдруг раздался резкий глухой звук.

Лошадь сорвалась с места.

Я вскрикнула, едва удерживаясь в седле.

Мой взгляд успел встретить его — а он... даже не моргнул.

Тропа сужалась. Темнота сгущалась, пытаюсь проглотить

меня целиком. Ветви деревьев висели так низко, что царапали мне лицо. Земля разлеталась под копытами моей лошади. Воздух стал холодным и обжигал пораненные щеки.

Я шурила глаза и пряталась за гриву лошади как могла. Меня все время тянуло назад. Вот-вот и полечу под копыта.

Вальтер вскоре поравнялся со мной, как и его сын. Теперь мы мчались наравне.

За горизонтом небо стало светлеть: звезды гасли, уступая место медленно поднимающемуся солнцу. Я могла теперь разглядеть лес вокруг — он уже не казался таким страшным, и за каждым деревом не спрятался зверь.

Странно, что сегодня я часто думала о смерти.

— Нужно остановиться. Впереди река. Лошади должны отдохнуть, — сказал Вальтер и слегка замедлил шаг. Я сделала то же самое.

Примерно через триста метров послышался шум воды. Лошади были отпущены на свободу, но Вальтер успокоил меня:

— Они не убегут. Напьются и вернутся сами. Ты пока отдыхай.

Он протянул мне фляжку с водой, и я жадно пила. Тепло устало: ноги гудели, спина ныла. Руки еще терпели, но я ощущала, как напряжение сковывает движения. Упала на влажную от росы траву и опустила голову на колени. Мысли пустились в пляс.

Отец знает, но молчит. Дядя Эштор тоже знает и лишь

обещает все рассказать, если я соглашусь поехать с ним. Даже сын Вальтера, кажется, понимает, что происходит, раз ждал нас в лодке... Только меня держат в неведении. — размышляла я, разглядывая траву и ее маленьких обитателей.

Подняла глаза на юного принца. Он был на голову выше меня, строгий, серьёзный и почти лишён эмоций — точная копия Вальтера, только младше и мрачнее.

Наверное, он почувствовал мой взгляд. Потому что как только я закончила изучать его руки, перешла к губам. Они изгибались в ехидной улыбке. Я сама невольно улыбнулась и подняла глаза выше.

Он смотрит на меня.

Щеки загорелись и я замотала головой в поисках любого занятия.

Он же видел, что я смотрю. Смысл теперь это скрывать?

— Что, понравился? — спросил принц усаживаясь напротив меня.

Дыхание остановилось. Я смотрела в землю, не решаясь ни ответить, ни посмотреть на него.

Принц усмехнулся. Наклонил голову, заглядывая в мои глаза.

Я часто была так близко к парням. На уроках танцев. Но ни один из них не был моим будущим мужем. Не был человеком, которого меня заставляли обожать. Сейчас я готова

была испариться прям на месте. В груди что-то дрогнуло. По спине прошли мурашки.

— Говорить, вроде, умеешь. Так чего молчишь? — спросил принц. Улыбка уже покинула его. В глазах читалось: *я теряю терпение.*

— Да... — кашель оборвал мои слова. Лишь когда он стих, я договорила, — В смысле, говорить могу...

Уголки его губ разошлись в широкой улыбке. Он протянул мне флягу с водой.

— Попей...

Кивнула и сделала пару глотков, но тело еще не отпускало дрожь. Ни от седла. Ни от страха перед принцем.

— Элира? — позвал Вальтер, — Ты отдохнула?

Я вздрогнула, вскочила на ноги и торопливо отряхнулась от налипших травинок и капель росы. Лошади начали возвращаться, и я улыбнулась: *напьются и вернутся.*

— Да, — кивнула я. — Готова ехать дальше.

Через несколько часов мы приблизились к деревушке. На въезде нас встретила старая, выцветшая табличка. Надпись почти стёрлась: удалось разобрать лишь первую букву «К» и последние две, «он». Река неторопливо текла вдоль домов, а вдалеке возвышались старые мельницы, выделявшиеся среди остальных построек. Домики выглядели ветхими, многие были залатаны, но жители явно заботились о них, поддерживая в порядке.

Цветущие деревья и кустарники добавляли жизнь серым

мрачным фасадам. Груши цвели повсюду, яблони только готовились раскрыть свои цветки. Воздух наполнялся ароматом ранней сирени, примешанный ирисом. У некоторых домов давала цвет вейгела. А во двориках виднелись молодые цветы нарцисса.

Было раннее утро. Жители только выходили из домов. Многие, кто нас успел заметить, с удивлением наблюдали. На мгновение замирали, а потом кланялись почти до земли.

— Доброго утра! — крикнул Вальтер, соскочив с лошади. — Нам нужен кров, еда и вода! Лошадей тоже нужно обслужить. Раньше здесь был постоялый двор, он еще стоит?

Из-за ворот ветхого домика вышел низенький, сгорбленный старик. Его кожа была покрыта морщинами, зубов почти не осталось, руки дрожали, ноги едва держали тело.

— Вверх по реке, в нескольких ярдах от мельницы, ваше Превосходительство.

Вальтер кивнул, дал старцу несколько золотых и пожал хрупкую руку.

— Спасибо, отец, — сказал он и вновь сел на лошадь. Я последовала за ним.

Меня не покидала одна мысль: жители называли королем Вальтера, а не моего отца. Но как такое возможно? Мы еще не пересекли границу континентов. Нам предстояло доплыть до Тайгу, пройти через Шелковый перевал и только потом выйти к Туманному. Либо идти через порт Нариз в Ярый. Оба пути заняли бы куда больше времени, чем потребова-

лось нам. Чем дольше я об этом думала, тем больше возникало вопросов.

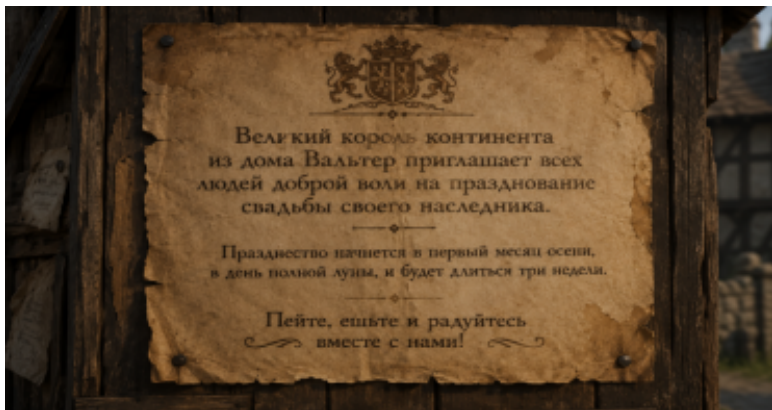
Всего несколько минут и мы уже у постоянного двора. Это был домик в два этажа, и тянулся в длину. Впечатляло, что деревушка была крошечной и ветхой: несколько десятков домов, покосившихся от времени и ветров. И все же этот постоянный двор был способен принять четыре десятка путников. Значит, дорога через эти места была оживлённой.

Вывеска гласила: «*Старая мельница*».

Вальтер и его сын уже были внутри. Говорили с мужичиной. Видимо хозяин.

Совсем рядом текла река, а чуть выше по течению стояла первая мельница. Она была окрашена в красный. Но краска местами отпадала, оголяя серые кирпичи и заплатки из дерева. Ее огромные лопасти лениво вращались, приводимые в движение течением реки.

У дома было много разных цветов: некоторые еще не распустились. А те, что давали цвет, пестрили синим, розовым и белым. Они украшали старый серо-коричневый вид дома. Подойдя ближе к двери, я увидела небольшую доску, прибитую к стене. На ней висели разные новости деревни и королевства. Я пробежалась глазами и зацепилась за одну из новостей.

Веларкий король континента
из дома Вальтер приглашает всех
людей доброй воли на празднование
свадьбы своего наследника.

Празднество начнется в первый месяц осени,
в день полной луны, и будет длиться три недели.

Пейте, ешьте и радуйтесь
вместе с нами!

Сразу под этим объявлением висела карта. На ней жирной красной линией был отмечен путь ко дворцу, для тех, кто не знал как добраться.

Ноги будто приросли к полу. Ни от того, что Вальтер заранее планировал свадьбу.

Нет. Это было вполне ожидаемо.

Мы были так далеко от моего дома.

Морвейнд. Как мы могли преодолеть расстояние в месяц всего за одну ночь?!

Увиденное казалось невозможным.

Я лежала в маленькой темной комнате. Из освещения было только пара свечей на столике рядом с кроватью. Пламя игриво плескалось по стенам и потолку, наполняя мое воображение причудливыми образами.

За окном было тихо и спокойно. Легкий ветер шелестел в ветвях деревьев, убаюкивая уставшую деревню и меня. Яркие звезды и луна освещали крыши домов и верхушки деревьев. Иногда издалека доносились звуки животных: ленивое мяуканье кошек, редкий лай собак.

И как им не спалось в такую тихую ночь?

Кровать оказалась на удивление мягкой и удобной. Почти такой же, как в моей комнате во дворце, только в два раза уже. Напротив стоял ветхий стул, на который я сложила одежду. Садиться на него я бы не рискнула — он выглядел так, словно мог развалиться от одного неловкого движения. Вот и все, что было в этой комнате.

Пусто. Просто. И все же, на удивление, здесь было уютно.

Наверное, из-за тихой деревенской ночи за окном, реки неподалёку и приятных людей, которые здесь жили.

Снова и снова я гадала как мы оказались в Морвейнде. Прокручивала весь путь от начала до этого момента: *не спала, не отвлекалась, всегда смотрела вперед, следила за дорогой.*

Объяснений не находилось.

Я не решалась подойти к Вальтеру. Не хотела тревожить его сейчас. Мы еще не во дворце и, кто знает, сколько здесь ушей. Последние события подсказывали мне быть осторожной.

Закрыла глаза и ощутила себя в комнате отца. В его объятиях. Слезы потекли сами собой. Я ощутила его руки, его дыхание и тихий голос. Я хотела сказать ему столько всего... Но не сказала, что люблю. Не сказала, что сделаю все, чтобы вернуться и спасти его.

Только вот от чего или кого мне стоит его спасти? От Мегганы?

Я, конечно, ее не любила, но у меня не было никаких доказательств — только неоправданные подозрения. Она осыпала меня подарками с самого первого дня: куклы, платья, поездки, балы в честь моих именин. Всегда мне улыбалась и обращалась ласково.

Мысли рисовали на потолке воспоминание.

В прошлом году, на мой день рождения, Меггана отменила все уроки.

— *Отец возразить не может. А назойливые учителя пусть идут ко мне!* — сказала Мег, беря меня за руку.

Я смотрела в ее пустые глаза, которые никак не сочетались с приторной улыбкой.

— *Я лучше пойду...* — робко отвечала я, — *Нужно учиться...*

— *Ни один учитель,* — Меггана наклонилась ко мне, взяла за плечи и в глазах на секунду промелькнуло сочувствие,
— *Не научит тебя любить.*

— *Любовь тут ни при чем...* — мой взгляд скользнул вниз.
Ее руки были холодными, как погода за окнами. И дрожь расходилась по телу.

— *Быть хорошей женой — не значит знать все на свете.*
Она потянула меня за руку. Мы шли по коридору и слуги, боясь, кланялись. А Мег гордо поднимала голову и что-то мне говорила. Я не слушала. Представляла, как учителя, один за другим, угрожают пальцем, как слюна разлетается в стороны и вечное:

— *Ваша матушка не одобрила бы такие выходки!*

Мои размышления перебил легкий стук в дверь.

— Кто там? — настороженно спросила я.

— Элира, можно войти?

Голос был мне знаком — томный, бархатный. Сын Вальтера. Я забралась под одеяло, смахивая слезы.

— Войдите... — неуверенно произнесла я.

Дверь тихо и со скрипом открылась. На пороге стоял младший Вальтер. Волосы были мокрые и теперь спадали на глаза. Капли текли по шее и уходили под рубашку. Черные глаза отражали огонь свечи и меня в ее тусклом свете. В руках была маленькая металлическая коробка.

Когда принц переступил порог, я замерла. Волнение захлестнуло меня с головой.

— День был долгий и полон всякого. Я не представился, — уголок губ скользнул вверх всего на мгновение. Он, закрывая за собой дверь, подошел к краю кровати, — Ты, видимо, уже поняла, что я сын короля. — он чуть прищурился, смотря на меня.

Я только кивнула.

Он говорил так тихо и его голос успокаивал, отгоняя все дурные мысли. И это шло вразрез моим первым ощущения от его вида на лошади.

— Мое имя Рейнар, — он взглядом спросил разрешения присесть, убирая одеяло чуть в сторону.

Робко склонила голову в знак согласия.

И почему его не устроил тот старый стул?

— Я пришел спросить, — он отвел взгляд, достал из коробки бутылек с какой-то жидкостью и вату. — Как ты смотришь на то, чтобы отменить помолвку?

Меня будто пригвоздило к месту.

Отменить?!

Меня готовили стать женой наследника с пяти лет. С самого утра и до позднего вечера. Учитель не отпускал меня, пока я красиво и изящно не напишу письмо, в котором нужно было выразить самые теплые чувства к будущему мужу.

— Я понимаю, что это неожиданно, — серьёзно продолжил Рейнар. Он осторожно промокнул вату и потянулся ко мне. Холодные капли упали на кисть, медленно стекли и впитались в тонкое одеяло.

Я чуть отстранилась.

— Я еще не говорил с отцом, но полагаю, что он согласится. Ты еще совсем ребенок, а я думал...

— Мне почти шестнадцать! — возразила я, — В следующем месяце.

Что я хотела доказать? Зачем вообще открыла рот?

Рейнар оценил меня с ног до головы. Легкий смешок сорвался с его губ.

— Ну, тогда это меняет все.

Он приблизился, наклонился надо мной. Мокрая вата коснулась моей щеки. Там где были раны от ударов веток слегка начало щипать. Машинально я отдернула голову и зажмурилась. Рейнар задержал мое лицо рукой и повернул на себя.

— А мне совсем скоро девятнадцать. Пусть тебе и шестнадцать — ты все еще юная. Я вообще сомневаюсь, что отцы приняли верное решение. Ты подумай, — шепнул он, смотря мне в глаза.

Сердце провалилось в пятки. Кулаки сжались сами собой.

А как же математика, о которой мне все твердили, что это самое важное в жизни?! А как же нянечка, которая била меня по рукам всякий раз, как я брала не ту вилку, не тот бокал, не той рукой, не теми пальцами?!

Дыхание замедлилось. Щеки загорелись. Не от смущения. Вовсе нет. От злости, которая переполняла меня.

Вблизи его лицо было еще суровее. Но в нем было необъ-

яснимое прекрасное.

— Поверь, ты не захочешь быть моей женой, — добавил Рейнар, ухмыляясь, — И я не горю желанием жениться на тебе.

Меня охватило желание возразить. Я не отводила глаз от его лица и руки, которая с осторожностью обрабатывала мои мелкие ранки. Ощущала его дыхание на себе. Чувствовала его запах: он пах шоколадом. Черные глаза терялись в темноте комнаты. Я видела только чуть приоткрытые губы.

Невольно закусила нижнюю губу. Покалывание прокатилось по ним.

Кусать губы — мое, наверное, любимое занятие в моменты, когда не контролирую ситуацию.

— Но... — я говорила тихо, почти шепотом, — этот союз должен сплотить два континента. Это было решено еще до нашего рождения.

Меня мучила верховая езда, после которой каждый раз болело все тело и я не могла нормально выспаться. А на уроках танцев я оттоптала все пальцы всем моим партнерам. Порвала не одно платье. Получала прутиком по плечам всякий раз, как они хоть чуть-чуть падали вниз. И по спине, если вдруг она не достаточно прямая. Я не говорю, что ничему не научилась. Просто брала то, что казалось для меня действительно важным. Но нельзя просто взять и стереть годы учебы и упреков, что я буду никчемной женой, если не усвою все на отлично.

— Да, — тихо сказал Рейнар и отстранился, — мы не имеем власти. Свадьба должна пройти через несколько месяцев. А мы только что познакомились. К тому же, ты совсем юная для такого шага. И, повторюсь: ты не захочешь этого. А я уже не хочу.

С одной стороны — я сбросила бы с себя оковы брака, которого не хотела ни я, ни он. Могла бы все время посвящать действительно важным вещам. Не думаю, что наши отцы вдруг рассорятся, если свадьбы не будет.

Но с другой — моего прошлого не изменить. Я не знала ничего другого. Меня не учили быть просто ребенком, наслаждаться жизнью, делать что-то для души и сердца.

Рейнар встал с кровати. Легко улыбнулся мне. Свеча отразилась в его глазах. Я не нашла, что ему сказать. Не имела представлений как отмена помолвки повлияет на союз. И его слова: ты не захочешь быть моей женой, — что они под собой скрывали? Что скрывал наследник престола?

А что было бы, если мы не встретились вплоть до моих именин? Он так же отверг бы меня? При моем отце и всем континенте?

— Подумай... — сказал Рейнар, закрывая за собой дверь. Теперь я осталась одна — только я и мои мысли, бурлящие и неумолимые, как ночная река за окном.

Глава 4

Мы выехали с первыми лучами солнца. Сон еще манил за собой, но резвая лошадь не давала расслабиться. Ветер игрался с моими волосами. А я все заглядывалась на принца. Он ехал чуть впереди. Ровная спина, напряженные плечи, шея, сильные руки. Ночной разговор не выходил из головы.

Если он так уверен, что отец согласится, зачем нужно было меня забирать?

Пейзажи сливались в сплошное пятно, центром которого была темная фигура Рейнара. Его черные волосы вытащили из глубин воспоминание. Разговор с мамой.

Мне тогда только исполнилось шесть. Мы бродили по весеннему саду. Снег тихо падал, а это значило, что скоро все живое уйдёт на долгий сон.

—Эли, ты знаешь, зачем тебе все эти уроки?

Я мотала головой:

—А ты знаешь?

Теплая рука мамы едва касалась моей макушки. Она тяжело вздохнула и остановилась. Присела и глаза ее будто просили прощения. Я тогда почему-то хотела заплакать. Будто чувствовала все наперед.

—Однажды тебе придется выйти замуж, — она замолчала и отвела глаза. Подбирала слова.

Я поняла это по тому, как беззвучно шевелятся ее губы.

— *Когда ты станешь старше, я расскажу тебе о нем. Но ты должна знать — это ради всего мира.*

Мама умерла через год так ничего мне и не рассказав. Я спрашивала у отца и он говорил:

— *Ты обещана Морвейнду. Будешь совсем как мама.*

Но почему это было ради всего мира — отец лишь пожимал плечами. Говорил, что у мамы, с ее сказками о Богах, свое видение.

— Элира?! — окликнул меня Вальтер, — Ты где летаешь?

От его строгого тона я будто очнулась ото сна. Глаза забегали, ища короля.

— Простите, дядя Эштор... — тихо сказала я и опустила голову.

— Уже к вечеру мы будем во дворце, — спокойно сказал он, — сейчас привал.

Я кивнула. Остановила лошадь и спешила. Кобыла тут же побежала на поиски еды и воды. А я наконец-то огляделась вокруг. Так погрузилась в мысли, что не заметила, как мы проскакали пол дня. Не заметила, как поля наполнились красками: зеленые, желтые, красные, фиолетовые. Цветы были на каждом шагу и каждый был по-своему прекрасен. Пахло свежей травой. А запах цветов смешивался — сладость с легкой горчинкой. Солнце было высоко над головой и грело почти как летом. Пушистые облака медленно плыли по своим делам, не смея затмить короля неба — солнце.

Вдохнула полной грудью и улыбнулась. Закрyla глаза.

Подняла голову к небу, давая солнечным лучам поцеловать меня. Но вскоре солнце затмили.

Неужели тучи?

Рейнар стоял и смотрел на меня сверху вниз. Его непоколебимое лицо было так близко. Я не смела двигаться. Он внимательно изучал меня.

— Ты подумала? — тихо спросил Рейнар.

Я глубоко вдохнула. Легкие наполнил уже знакомый запах.

— Я думаю... — начала я, и голос едва заметно дрогнул, — думаю, что решение за твоим отцом.

Уголки губ Рейнара скользнули вверх. В глазах отразилось... облегчение?

— Отец! — крикнул он, смотря на меня еще несколько секунд, — Мы можем отменить свадьбу.

Рейнар отошел на несколько шагов назад и принялся осушать фляжку. Он не спрашивал про свадьбу, а просто утвердил решение. Значит, отец все знал и предоставил нам выбор?

Я выпрямилась, стараясь сохранить спокойствие. Но сердце уже колотилось как безумное, а пальцы выдавали мое волнение легкой дрожью.

— Я еще не принял решение, — сердито сказал Вальтер.

По спине прошли мурашки. Ветер сменил направление, играя теми прядями, которые выбились из общей кучи.

— Я уже говорил тебе, Рей, — почти криком начал Валь-

тер и подошел к сыну вплотную, — что та девка не достойная партия для тебя. Ты либо женишься на Элире и занимаешь мое место. Либо ты идешь служить и никогда тебе или твоим детям не унаследовать трон.

На лбу Вальтера выступили вены. Мышцы шеи напряглись. Кулаки сжались. Рейнар, казалось, отражал всю злость и ярость отца.

— У тебя больше нет наследников! — возразил он, — Если я не унаследую престол, то весь континент погрузится в хаос.

— Поэтому ты и женишься на Элире.

Вальтер стоял гордо и смотрел на сына сверху вниз. Мышцы на его лице ходили. Королю явно не нравилось поведение сына.

— Ты обещал подумать, — чуть смягчил тон принц и виновато опустил глаза.

— Не надейся, что сможешь уйти от ответственности.

Вальтер поправил ворот рубашки. Кинул последний надменный взгляд на сына, пуская молнию в его сердце, и отошел в тень дерева.

Я напряглась от макушки до кончиков пальцев ног. Меня волной накрывал их гнев. Захотелось стать насекомым и спрятаться за какую-нибудь травинку. Чтобы меня не видели, не слышали.

Как и говорил Вальтер, вечером мы добрались до дворца. Огромные ворота, украшенные металлическим плющом и золотыми розами, медленно и плавно раскрылись перед нами. Нас встречало несколько человек. Один сразу подошел к королю, поклонился и взял поводья в руки. Вальтер спешил-ся. Я последовала его примеру.

— Ваше Величество, комната готова. Одежды прямо сейчас укладывают в гардеробную. Если желаете, ужин горячий и готов к подаче, — смиренно сказал мужчина. Он был лет на десять старше короля. Но ростом был головы на две ниже. Худощав и горбился. Его лицо покрывали мелкие морщины. Тонкие пальцы слегка дрожали. То ли от холода. То ли от старости.

Ко мне подошла девушка в длинном, прямом, черном платье и белоснежном переднике. Служанка. Ее черные волосы были собраны в косу и аккуратно лежали на плече. Голубые глаза смотрели с добром. Пухлые алые губы украшала милая улыбка. Ее кожа была почти что белой, напоминающей снег.

— Принцесса, меня зовут Мария, — обратилась она ко мне. Ее голос был такой нежный и сладкий для слуха. — Я буду помогать вам во всем. Можете на меня положиться.

Девушка сделала легкий поклон и встала за спиной, на пару шагов назад. Она была выше меня почти на голову. И, как

мне показалось, старше года на два.

Была еще одна девушка. Ростом и возрастом с Марию. Ее кожа светилась здоровьем. Зеленые глаза смотрели уверенно и дерзко. Губы цвета красной розы. Ее фигура была идеальной, как у тех принцесс, которых я встречала на балах. На ней была странная для меня одежда: кожаные штаны, обтягивающие длинные и стройные ноги, белая рубашка по фигуре с довольно смелым декольте, а поверх кожаная куртка, длиной доходящая до талии. На левом бедре висел длинный меч. Она подошла к Рейнару и нежно ему улыбнулась. А ее глаза оценивающе разглядывали меня. Рейнар вытянулся и улыбнулся.

Что-то мне подсказывало, что она была причиной, по которой Рейнар хочет отменить помолвку.

— Элира, Мария проводит тебя в комнату. Располагайся. На ужин тебя пригласят, если захочешь, — сказал Вальтер и повернулся на сына, — А ты, — его суровые глаза оценили девушку, — и ты. Чтобы я больше не видел вас вместе!

Рейнар напрягся, но промолчал. А вот девушка не скрывала недовольства.

— И ты ничего не скажешь? — ее голос был звонким и резал слух.

— Заткнись и иди к себе, — ответил ей Рейнар и поспешил догнать отца.

Девушка сложила руки на груди. Ее лицо обратилось ко мне. Смотрела, как на грязь.

Я неловко улыбнулась и помахала ей. На что девушка громко фыркнула и ушла.

Внутри, впервые в жизни, возникло понимание: *я здесь чужая.*

Дорога к замку шла через сад. Все почти как у меня дома. Разные фруктовые деревья, цветы, всех возможных окрасов и форм. Выложенные камнем аллеи, деревянные лавки и качели в мягкой, даже на вид, траве.

Сам замок был огромный. Мне не хватало просто поднять голову вверх, чтобы увидеть его полностью. Белые стены, казалось, терялись в облаках. Первые два этажа были плотно забиты виноградной лозой. По обе стороны от огромной двери стояли металлические лавки, покрытые мягкими коврами и подушками.

Внутри все сверкало и блестело. Стены украшали разные картины, вазы, скульптуры, оружие. Лестницы были покрыты красным ковром. Перила — выюнком.

Мария отвела меня в комнату на четвертом этаже. Предложила мне помочь переодеться и принять ванну, но я решила, что справлюсь сама и отпустила ее. Она сказала, что вернется, чтобы провести меня на ужин, когда все будет готово.

Сама комната была раза в два, а то и три, больше моей прежней. По центру стояла огромная мягкая кровать. Балдахин алого цвета окутывал ее со всех сторон. Сразу за кроватью стояла ширма. За ней вместительная ванна, банные принадлежности, ночные рубашки и халаты.

По другую сторону от кровати, почти у выхода, была еще одна дверь. За ней была маленькая комната, которая вмещала в себя огромное количество нарядов. Цвета пестрили, а ткани поражали воображение.

Но были не только платья.

По правую сторону от двери я увидела одежду, похожую на ту, в которой была девушка с мечом. Мне показалось это странным, но я пропустила это мимо. Мало ли чья была эта комната до меня.

Так же были два огромных окна — от пола и до самого потолка. По обе стороны от каждого аккуратно сложены шторы из шелка цвета ночного неба.

Все это место — замок, сад, комната — было невероятно красивым в свете луны. Я даже не могла представить какое здесь будет уже утром, когда взойдет солнце. Мое сердце трепетало. Я вдыхала ароматы и голова кружилась от сладости и красоты.

Я решила насладиться моментом. Не спеша, сняла всю одежду. И забралась в горячую ванну. Мария подготовилась и набрала ее заранее. Вода окутывала меня теплом и расслабляла мышцы. Пахло ванилью и жасмином. Я откинула голову на край ванны и отдалась ощущениям. Атмосфера дарила спокойствие, не смотря на все, что было пройдено за последние дни. Сейчас это было то, что нужно — отстраниться.

Не знаю сколько пролежала в ванной. Но меня вернул в тело стук в дверь.

— Элира?

Рейнар.

Что ему еще надо? Зачем было приходить сейчас?

Я тяжело вздохнула.

— Подожди минуту! — крикнула и поспешила покинуть ванну. Схватила первый попавшийся халат и накинула на мокрое тело. Ткань была мягкой и теплой. Не давала прохладе остудить тело. Плотно закуталась и открыла дверь.

Рейнар вошел, не спрашивая.

— Конечно, проходи... — протянула я, когда он уже устраивался на краю моей кровати.

Закрыла дверь, облокотившись на нее спиной.

— Что-то нужно? — робко спросила я. Почему-то в его присутствии вся моя уверенность пряталась, и пульс, и дыхание теряли свою ровность.

— Как дела? — спросил он легко и непринужденно.

У меня округлились глаза.

Он пришел, выманил меня из ванны чтобы спросить как дела? Что с ним не так?

— Вообще, все равно. Я пришел узнать владеешь ли ты хоть каким-то оружием, — его черные глаза медленно переместились с окна на меня. И снова никаких эмоций.

Погодите. Владею ли я оружием? Этого не было в списке хорошей жены.

Я покачала головой:

— Зачем?

Рейнар пожал плечами и медленно направился в мою сторону. Я вжалась в дверь. Руки сжимали дверную ручку так сильно, что побелели костяшки. Принц оказался в паре сантиметров от меня и я ощутила тепло его дыхания.

В какую игру он играл? Почему он так себя ведет? Я не могла уловить логику в его действиях.

— Завтра будет тяжелый день. Постарайся выспаться, — спокойно говорил он, облокотившись рукой на дверь, — Среди платьев есть форма. Надень сразу с утра. На завтраке плотно поешь, а на ужин я бы рекомендовал не ходить. Ляг спать.

— Я не понимаю...

— Отец велел смотреть за тобой. И я готовлю тебя заранее. Просто сделай как я говорю. Все остальное узнаешь завтра, — Рейнар выдавил подобие улыбки.

Я громко выпустила воздух. Принц заметил это. Он чуть улыбнулся и наклонился к моему лицу.

Меня окутал жар, исходящий от него. Губы приоткрылись, вдыхая как можно больше воздуха. По спине прокатился холод.

— Не советую... — начал принц грозно, — влюбляться... — он оттолкнул меня от двери и вышел.

— Н-да... — протянула я, закрывая дверь.

Несколько секунд стояла и не могла отдышаться. Прыгнуть в сугроб — вот что мне помогло бы.

Последствие присутствия Рейнара сменилось непонят-

ным чувством — смесь обиды, усталости и неопределенности. Я плюхнулась на кровать лицом вниз и громко закричала. Мягкие одеяла поглощали звук. Тело отпускали мысли и напряжение.

Завтра меня ждет очередной сюрприз. Но откроются ли тайны?

Глава 5

Проснулась я раньше, чем следовало. Мария придет еще не скоро, поэтому решила упростить ей работу и привела себя в порядок: умылась, расчесала волосы и достала ту самую форму.

Это были короткие сапоги цвета махагона — на шнуровке и с массивной подошвой. К ним прилагались штаны того же оттенка, сшитые из неизвестного мне плотного материала, с черными кожаными вставками от бедра до колена. Рубаха была белоснежной, самой простой. Поверх всего полагалась приталенная короткая курта из той же ткани, что и штаны. Ее цвет напоминал ночное небо — глубокий, темный, почти черный.

Не долго думая, натянула все это на себя и подошла к зеркалу. В отражении я больше не видела напуганного ребенка, вынужденного бежать из отчего дома. Теперь передо мной стояла девушка — уверенная, хотя все еще с ноткой страха, но готовая к любым испытаниям.

Темно-русые волосы легкой волной спускались чуть ниже лопаток. Губы цвета спелой вишни выглядели мягкими. Четкая линия челюсти, едва смягченная остатками детской пухлости щёк, придавала лицу одновременно строгость и нежность. Вздернутый аккуратный нос и бледная для здешнего климата кожа создавали тонкий контраст с большими се-

ро-зелеными глазами, в которых отражалась легкая растерянность, словно первое пробуждение после долгого сна.

Мое телосложение не было таким впечатляющим, как у девушки Рейнара. У меня не было ее длинных ног, но они все же оставались стройными. Тонкая талия намекала на хрупкость, грудь была маленькой и аккуратной, а бедра — мягкими и гармоничными. Руки и шея изящны, будто были созданы для легких, быстрых движений. Еще бы — всю жизнь я училась танцам, осваивая грацию и плавность. Гибкость была моей силой, хотя силы настоящей это мне не прибавляло.

— А наряд очень удобный...

Одежда плотно облегла тело, повторяя каждую линию, но при этом не сковывала движений — казалось, сама подстраивается под меня. Я никогда раньше не носила ничего подобного: платья были тесными и тяжелыми, а здесь — лёгкость и свобода, которые ощущаются каждой клеткой.

Я улыбнулась самой себе. Не знала, что меня сегодня ждет, но уже была приятно удивлена и довольна.

В дверь постучали и сразу же вошли.

Мария.

— Миледи, как вам спалось? — произнесла она с легкой улыбкой.

— Привыкнуть будет не сложно, — улыбнулась я в ответ.

Мария оглядела меня с ног до головы.

— Вы прекрасны! Вам очень идет! Давайте я приведу ваши волосы в порядок?

Я кивнула и присела на край кровати. Девушка с осторожностью обращалась с моими волосами — дома такой роскоши не было. Через пару минут мои волосы превратились в аккуратный и красивый колосок.

— Ты волшебница, Мари, — похвалила я девушку.

Она не ответила, только улыбалась. А потом молча ушла убирать комнату. Меня окутала неловкость. Будто сейчас я не там, где надо. Вздохнула и быстро выскочила в коридор, оставив Марию с ее делами наедине.

И кто бы мог подумать — столкнулась с принцем. Он вышел из комнаты напротив. Его волосы были зачесаны назад. На нем тоже была форма, такого же цвета. А в глазах была какая-то игривость.

Может он не такой суровый, каким показался мне сначала?

— Салют, — коротко сказал он, приложив два пальца к виску, как бы отдавая честь. — Как спалось?

— Привет, — сухо ответила я, — Не плохо.

Еще около минуты мы стояли друг напротив друга. Я разглядывала коридор, чтобы не встретиться с ним глазами. А Рейнар... нагло пялился, тщательно оценивая каждый изгиб. Я почувствовала легкое раздражение, смешанное с неким волнением, которое он теперь вызывал во мне.

— Тебе идет, — нарушил тишину Рейнар.

Глаза зацепились за какой-то летний пейзаж напротив. Пульс подскакивал с каждой секундой.

Да что ж такое, Лира?! Возьми себя в руки! — ругала я себя.

— Покажешь дорогу?

Рейнар молча двинулся с места. Я пошла следом, наблюдая за каждым его движением. Спина прямая, плечи расправлены, походка ровная и уверенная, будто каждый шаг заранее продуман. Даже сзади он выглядел статно — в нем была та строгая сила, которую невозможно не заметить. Взгляд невольно цеплялся за линию его шеи, за силуэт, который не требовал слов, чтобы заявить о себе. Он был уверен во всем — во внешнем виде, в походке, в каждом жесте. И это... завораживало.

Завтрак оказался неожиданно скромным. На стол подали тёплую кашу, свежий хлеб, варёные яйца и немного сыра. Для королевского замка всё выглядело почти по-домашнему, но после долгой дороги даже такая еда казалась настоящим пиром.

Я ела быстро, хотя изо всех сил старалась не показывать, насколько голодна. Организм требовал ещё, желудок болезненно сжимался после каждого проглоченного кусочка, однако просить добавки было бы верхом глупости. Здесь и без того внимательно следили за каждым моим движением.

За длинным столом, кроме меня и Вальтеров, сидело ещё несколько человек. Мужчины в тёмных камзолах негромко переговаривались между собой, иногда раскрывали какие-то бумаги, но разговор неизменно обрывался всякий раз, когда кто-нибудь случайно встречался со мной взглядом. Никто не смотрел открыто. Однако это было бы даже хуже. Я чувствовала их осторожность почти физически, словно стала не гостьей, а опасным зверем, которого пока решили не сажать на цепь.

Воздух в столовой постепенно густел. Казалось, его можно было потрогать рукой. Он давил на плечи, мешал дышать и всё сильнее убеждал меня, что я нахожусь среди людей, которые не знают, чего ждать от моего появления.

Дома всё было иначе.

Отец ничего от меня не скрывал. По крайней мере, мне всегда казалось именно так. Он не понижал голос, не прятал документы и не замолкал, когда я входила в комнату. Здесь же каждое слово будто проходило через невидимые весы. Его осторожно примеряли, взвешивали и только потом позволяли сорваться с губ.

Я опустила взгляд в тарелку, делая вид, что меня интересует исключительно завтрак.

Лучше не слушать. Лучше вообще не показывать, что понимаю хоть что-то.

— Ваше Величество, — раздался слева знакомый голос.

Я сразу узнала того самого пожилого мужчину, который встречал нас накануне. Вчера он показался мне добродушным, однако при дневном свете стало ясно, насколько обманчивым было первое впечатление. Теперь я замечала, как напряжённо он держится, как внимательно следит за лицами окружающих и как настороженно замирает всякий раз, когда кто-то подходит слишком близко.

— Сегодня необходимо посетить перевал на границе с Соларианом.

Я незаметно сильнее сжала ложку.

Солариан.

Само название неприятно царапнуло память. О Морвейнде отец говорил редко. О Тарвелде ещё реже. Но Солариан в его рассказах присутствовал всегда. Не как соседнее госу-

дарство, а как старая рана, которую невозможно вылечить окончательно. О ней не любили говорить вслух, однако она постоянно напоминала о себе.

— Кроме того, — перебил другой советник, высокий худощавый мужчина с неприятно тонким голосом, — её Величество Тарвелда просила передать, чтобы мы не беспокоились о людях.

Я замерла.

Её Величество...

Эти два слова ударили неожиданно сильно. Настолько, что я перестала чувствовать собственные пальцы, всё ещё сжимавшие ложку.

Нет...

Я не позволила себе закончить эту мысль. Медленно подняла взгляд на Вальтера. Король продолжал спокойно завтракать, будто ничего особенного не произошло. Он неторопливо разрезал мясо, сделал несколько глотков вина и только после этого произнёс:

— Отправьте гонца.

Ложка выскользнула из моих пальцев. Она ударилась о край тарелки так звонко, что разговоры вокруг мгновенно стихли. Звук ещё несколько раз отразился от каменных стен столовой, прежде чем окончательно растворился в наступившей тишине.

Я резко подняла голову. Вальтер уже смотрел на меня. Не с раздражением. Не с удивлением. Так смотрят на человека,

который случайно оказался там, где его не ждали.

— Что прикажете передать, Ваше Величество? — осторожно спросил один из советников.

Король даже не повернулся к нему. Его взгляд всё ещё был прикован ко мне. Мне вдруг показалось, что он прекрасно понял, какие именно слова заставили меня вздрогнуть. Я попыталась снова взять ложку, но пальцы слушались плохо.

Советник негромко кашлянул:

— Ваше Величество?

Вальтер наконец отвёл от меня взгляд и едва заметно поднял ладонь.

— Позже. Всё потом.

Советники переглянулись, но никто не стал задавать новых вопросов.

Я сглотнула, пытаюсь избавиться от внезапной сухости во рту.

Он промолчал из-за меня.

Не знаю почему, но была уверена именно в этом. Сейчас он закончит завтрак. Повернётся. Назовёт моё имя. И после этого уже ничего не останется прежним.

— Рейнар.

Из груди сам собой вырвался облегчённый выдох. Настолько громкий, что я испугалась, не услышали ли его остальные.

Принц сидел прямо напротив меня. Только теперь я заметила, насколько он изменился. Ещё час назад он легко улы-

бался, отпускал колкости и будто нарочно выводил меня из себя. Сейчас от того человека не осталось почти ничего. Его лицо стало жёстче. Взгляд потемнел. Плечи были напряжены так сильно, словно он ждал удара.

— Да, отец.

— Сегодня ты едешь со мной.

Рейнар нахмурился:

— Но...

Ладонь Вальтера с такой силой опустилась на стол, что подпрыгнули кубки, а столовые приборы жалобно звякнули о тарелки. Я вздрогнула вместе со всеми.

— Тебе был отдан приказ.

Король не повысил голос. Наоборот, он говорил спокойно, почти холодно, и именно это пугало сильнее любого крика.

Рейнар медленно поднял глаза:

— Отец...

— Сейчас я не отец, — сказал Вальтер и выпрямился. Корона на его голове вдруг показалась мне тяжелее, чем была минуту назад. — Сейчас я твой король.

В столовой стало так тихо, что я слышала потрескивание дров в дальнем камине. Даже слуги перестали двигаться. Все ждали, что ответит наследник.

Рейнар молчал долго. Потом медленно опустился обратно на стул, будто вместе с этим движением проглатывал всё, что хотел сказать.

Я смотрела на него и никак не могла понять, что чувствую.

Дома такого никогда не происходило. Мой отец сначала был отцом и только потом королём. Здесь же всё оказалось иначе. Корона будто давно вытеснила человека, оставив вместо него только правителя.

Первым нарушил молчание Вальтер. Он снова посмотрел на меня:

— Элира...

Я подняла голову.

— ... после завтрака останься.

Я молча кивнула, хотя внутри всё уже сжималось от тревоги. Что бы он ни собирался сказать, избежать этого разговора уже не получится.

Когда столовая опустела, стало ещё хуже. Тише и опаснее. Вальтер пересел ближе.

Я так и не подняла глаз. Продолжала смотреть в пустую тарелку. Белую, чистую, будто за этим столом никогда не сидели люди и не звучали слова, от которых всё внутри переворачивалось.

— У тебя есть вопросы?

Есть. Их слишком много. Они теснились в голове, цеплялись друг за друга, не позволяя выбрать, какой из них важнее.

— Да... — собственный голос показался чужим.

— Тогда задавай.

Я переплела пальцы под столом так крепко, что ногти впились в кожу.

— Почему... вы забрали меня так рано?

Вальтер не ответил сразу. Он молчал всего несколько секунд, но мне показалось, будто за это время успел перебрать десятки возможных ответов, решая, сколько правды я готова услышать.

— По просьбе твоего отца.

Что-то болезненно сжалось под рёбрами.

Я невольно вдохнула глубже.

— Ты видела, что с ним происходит.

Видела. Каждый день. Каждый раз, когда он заходил к кашлем. Каждый раз, когда делал вид, будто ничего страшного не случилось.

— Мы решили, что так будет лучше.

Лучшие...Для кого?

— Вы знаете, что с ним?

Вальтер едва заметно улыбнулся. Не насмешливо. Скорее как человек, которому давно известен ответ, но он не может им поделиться.

— Сейчас тебе будет сложно понять...

Я медленно покачала головой.

Нет. Не надо снова говорить, что ещё не время.

— ...но, когда ты освоишься в школе...

Я всё-таки перебила его:

— Почему не сейчас?

Взгляд так и не поднялся от стола. Я боялась посмотреть ему в глаза. Боялась, что если встречу с ним взглядом, то уже не смогу остановиться и начну задавать вопросы, на которые он всё равно не ответит.

Вальтер тяжело выдохнул:

— Я расскажу, когда пойму, что ты готова.

Он выдержал короткую паузу, словно хотел, чтобы эти слова прозвучали особенно ясно.

— Не раньше.

По спине пробежал холодок. Я прикусила губу и медленно кивнула и заставила себя сдаться.

Нет. Не сдаться. Отступить.

— Как мы преодолели такое расстояние за одну ночь?

Наши взгляды встретились. Вальтер смотрел слишком долго. Внимательно изучал меня, будто пытался понять, сколько ещё я выдержу, прежде чем окончательно потеряю равновесие.

Раздражение медленно поднималось изнутри.

Король поднялся из-за стола и подошёл ко мне. Его тяжёлые ладони легли мне на плечи. Тёплые и совершенно чужие.

— Элира... — тихо произнёс он, и его голос прозвучал непривычно мягко. — Река, по которой мы плыли...

Он ненадолго замолчал. Не потому, что не знал, что сказать. Знал, просто давал мне время, чтобы сказанное им смогло прижиться.

— ... не подчиняется времени и расстоянию.

Воздух словно стал тяжелее. Слова повисли между нами, медленно оседая где-то глубоко внутри.

— С того самого момента, как ты ступила в лодку, ты вошла в мир магии и Богов.

Я смотрела на него, но смысл сказанного никак не складывался в голове.

Что он вообще несёт?

Слова долетали до меня, но будто разбивались о невидимую стену, так и не становясь понятнее.

— Да, до сегодняшнего дня магия была для тебя всего лишь сказкой, но...

— Это связано с папой?

Я вскочила так резко, что ножки стула с противным скрежетом проехали по каменному полу.

— Скажите!

Вальтер снова замолчал. Именно тогда, когда мне нужен был ответ.

Я резко сбросила его руку со своего плеча.

Не трогай. Не трогай меня.

Комната становилась слишком огромной и расплывалась перед глазами. Свет казался невыносимо ярким, а каждый звук отдавался в висках тупой болью. Я машинально схватилась за край стола. Плотная ткань скатерти смялась под пальцами.

Настоящая.

Наверное, сейчас только она и казалась настоящей.

— *Магия — это сказка,* — вдруг прозвучал в голове голос учителя. Чёткий. Холодный. Без единого сомнения. — *Она не имеет никакого отношения к действительности.*

Я верила ему. Знала, что так и есть. В том мире всё было просто. Понятно. Правильно.

— С твоим отцом всё будет хорошо.

— Какая магия?! — голос сорвался прежде, чем я успела себя остановить. — Какие ещё Боги?!

— Твоя мама...

— Вы шутите? — перебила я уже почти шёпотом.

Ноги перестали держать. Я опустилась на стул так резко,

что дерево больно впилося в позвоночник. Холод рождался изнутри, заставляя меня дрожать. Мысли метались одна за другой, сталкиваясь между собой, путаясь, не позволяя ухватиться хотя бы за одну.

— Твой мир изменился... — тихо сказал Вальтер. По его голосу было понятно, каких усилий ему стоит сохранять спокойствие.

Но сейчас мне было всё равно. Я медленно подняла на него взгляд.

— Он не изменился, — горло болезненно сжалось. — Он развалился.

Тело обмякло, будто из него разом исчезли все силы. Даже сделать шаг казалось невозможным. Весь мой мир, всё, во что я верила и что считала непреложной истиной, медленно трещало по швам, рассыпаясь прямо у меня на глазах.

Повисла тишина. Недолгая, но такая обманчиво спокойная.

— При чём здесь мама?

Я снова поднялась на ноги и перед глазами на мгновение потемнело, пол качнулся под ногами, но это уже не имело значения. Гнев поднялся так внезапно, что я даже не успела его остановить. Он захлестнул меня целиком, вытеснив страх, растерянность и остатки здравого смысла.

— Вы забрали меня! Оставили отца! Протащили через... через это! — я беспомощно взмахнула рукой, не находя слов. — А теперь говорите, что магия существует? Что всё это

правда? Что я должна где-то учиться? Где? Зачем?

Слёзы застилали глаза, превращая комнату в размытое пятно. Я так сильно сжимала кулаки, что ногти впились в ладони. Острая боль полоснула кожу, и между пальцами выступили тёплые капли крови.

Меня будто бросили в огонь, который не обжигал кожу, а медленно выжигал изнутри всё, что ещё оставалось привычным и понятным. Боль была единственным чувством, которое я всё ещё могла узнать.

Она хотя бы не лгала.

Вальтер медленно поднялся и осторожно выставил перед собой ладонь, словно пытался успокоить дикого зверя.

Только я уже не хотела успокаиваться.

От одной мысли, что даже отец столько лет скрывал от меня правду, внутри разливалось тяжёлое, липкое чувство предательства.

Мама...

Она столько раз рассказывала мне сказки о Богах, о древней магии, о чудесах, а потом неизменно улыбалась и говорила, что всё это лишь красивые легенды её предков. Что никто никогда не видел настоящей магии. Что её не существует.

Что её никогда не существовало.

Почему теперь всё это вдруг стало моей жизнью?

Мама.

Отец.

Лодка.

Магия.

И вдруг... полный штиль.

Стало так тихо, что я слышала собственное дыхание. Гнев исчез так же внезапно, как и появился. Дрожь постепенно отпустила. Пальцы сами собой разжались, и только теперь я почувствовала, как ноют ладони, израненные собственными ногтями. Веки налились тяжестью. Ноги подогнулись. Я уже не пыталась удержаться. Мир медленно поплыл перед глазами, и в тот момент, когда пол почти ушёл из-под ног, чьи-то руки крепко подхватили меня за талию.

Я медленно повернула голову.

Рейнар.

Он смотрел на меня без тревоги, без сожаления, без единой эмоции. И почему-то именно это испугало меня сильнее всего.

Пустота медленно разливалась по телу, вытягивая из меня силы по капле, пока не осталось ничего, кроме тяжести и странного безразличия.

— Что... происходит?

Собственный голос прозвучал так тихо, словно принадлежал кому-то другому.

— Прекрати! — голос Вальтера донёсся будто из-под воды. — Она теряет сознание!

Веки становились всё тяжелее. Перед глазами сгущалась чёрная пелена, а сердце билось всё медленнее, словно забы-

вало свое предназначение.

— Ей нужно успокоиться, — сухо произнёс Рейнар.

Он осторожно усадил меня на стул и сделал несколько шагов назад.

Теперь я видела его полностью. Он стоял неподвижно и смотрел на меня своими чёрными глазами, в которых можно было заблудиться. Челюсть была сжата так сильно, что под кожей перекачивались напряжённые мышцы. Руки он привычно убрал за спину, но даже отсюда я заметила, как сильно они напряжены.

И вдруг воздух рывком ворвался в лёгкие. Я жадно вдохнула несколько раз подряд. Сердце будто вспомнило, что должно биться, и сразу пустилось вскачь, отдаваясь болью где-то под рёбрами.

Я закашлялась. Каждый вдох царапал горло.

— Всё. Она в порядке.

В порядке?

Я машинально посмотрела на свои ладони. Небольшие полумесяцы от ногтей. Несколько капель крови. И боль. Так много боли, что её хватало на всё тело. Но ран почти не было. Он не причинил мне вреда. По крайней мере, не такого, который можно увидеть.

— Что... это было? — едва слышно спросила я.

— Рейнар способен забирать жизненную силу, — спокойно ответил Вальтер, подходя к сыну.

Страх присел на плечи, свесив ноги, и смеялся как безу-

мец, пробуждая во мне истерику.

— Как ты себя чувствуешь?

Я медленно подняла на принца взгляд.

— Он... почти убил меня...

Теперь слёзы уже никто не мог остановить. Они свободно катились по щекам.

— Я чувствовала... как сердце...

— Я знаю, когда нужно остановиться, — с нескрываемым презрением произнёс Рейнар. На его губах появилась довольная улыбка. — Ты просто слабая.

Он выдержал короткую паузу и почти лениво добавил:

— Меньше минуты.

Глухой удар разнёсся по комнате. Рейнар резко согнулся пополам, хватая ртом воздух. Вальтер медленно опустил руку, будто всего лишь поставил точку в разговоре.

Меня передёрнуло.

— Это вы называете успокоить? — я резко вскочила, еле удержав равновесие. Пришлось ухватиться за край стола, чтобы не упасть.

— Не подходи ко мне, — голос дрожал. — Никогда. Даже на шаг.

Рейнар медленно выпрямился, всё ещё сдерживая боль.

— Наши комнаты находятся напротив, Эльдрант, — спокойно произнёс он. — Так что придётся привыкнуть.

— Проваливай.

Вальтер сказал это негромко. Но возражать сын не стал.

Он молча развернулся и вышел.

Дверь закрылась. Комнату снова накрыла тишина. Я продолжала стоять, вцепившись в столешницу так сильно, что заболели пальцы.

В голове была только одна мысль: *Рейнар обладал магией. Настоящей. Значит... В той школе все такие? Или только такие чудовища, как он?*

Эштор Вальтер

Боги, почему именно сейчас на мои плечи взваливается такой неподъемный груз?

У меня и без того множество проблем, которые требуют своего внимания немедленно. Теперь еще и дочь Эльдранта. Фред был и остаётся моим верным другом. Мы прошли через многое рука об руку. Но надо же было ему вмешаться в порядок вещей...

Всю дорогу от Тárвена, столицы Тárвелда, я думал о том, как открыть этой хрупкой девочке правду, которую ее отец так старательно скрывал. Искал подходящие слова, но они ускользали от меня.

Еще и сын добавил масла в огонь. Он ведь знает наше положение. Знает, что от него требуется и все равно упирается в закрытые двери.

Сначала я хотел отложить разговор с Элирой. Но увидев ее испуганные глаза за завтраком, понял: тянуть нельзя.

Я рассказал ей ровно столько, сколько посчитал нужным. Пусть привыкает к новой реальности постепенно. И у меня будет меньше головной боли.

Когда я почувствовал ее эмоции, когда они начали давить

на меня, первой мыслью было просто забрать их. Да, потом ей пришлось бы немного пострадать, зато за это время она успела бы принять правду. Но Рейнар, как всегда, решил отличиться.

И что ему не хватало? Я почти никогда не ограничивал его свободу. Не заставлял жить по правилам. И все равно он каждый раз находил способ показать свою силу.

Теперь ему придется жить с женой, которая боится его до потери пульса. А без этого брака у меня не будет наследников.

— Самуэль, — обратился я к советнику, — приведи Рейнара. Немедленно.

С сыном я всегда разговаривал только за закрытыми дверями кабинета. Все, что звучало здесь, никогда не выходило за его пределы.

Мягкое кресло окутало тело и на секунду я расслабился, отпустил все невзгоды, но тут же взял себя в руки.

Не время!

Мой кабинет никогда не отличался обилием света. Узкие окна пропускали его слишком мало, а лампы едва справлялись с полумраком. Поэтому на столе всегда горели десятки свечей. Возраст давал о себе знать, и в темноте я видел уже не так хорошо, как прежде.

Запах табака давно стал частью этой комнаты. Я курил часто. Еще чаще, когда нервничал. А в последние годы нервничать приходилось слишком часто.

Одну стену полностью занимали книги, свитки и старая макулатура. Все это копилось здесь с самого начала моего правления. Некоторые документы сохранились еще со времён императора, но прикоснуться к ним значило уничтожить их навсегда.

Напротив висели портреты моей семьи.

Самым большим был портрет деда. Именно он первым заявил права на Морвейнд после смерти императора и до последнего вздоха сражался за них.

Рядом висел отец. После смерти деда он продолжил его борьбу и до самой своей гибели отстаивал интересы нашего дома. Благодаря ему я тот, кто есть.

Если бы не портрет матери, я, наверное, давно забыл бы ее лицо. Что странно, ведь моя жена чем-то напоминает ее.

На свой портрет я редко смотрел. На нем был молодой человек, которого еще не успели отравить война и предательство.

А вот портрет Рейнара всегда заставлял задержаться. Этот мальчишка словно родился взрослым. С самого детства холодный. Отстранённый. Упрямый. Он всегда получал желаемое, не задумываясь о цене.

Особенно холоден он был к собственной матери. До сих пор не знаю, с чего все началось, но ненавидели они друг друга одинаково сильно. Или́с, моя жена, отказалась заниматься сыном сразу после его рождения. С тех пор ничего не изменилось. Когда я выбирал себе жену, даже представить

не мог, насколько жестокой она окажется.

Стук в дверь оборвал мои мысли.

Я поднялся, обошел стол и опёрся ладонями о толстую деревянную столешницу.

— Входи.

— Ты звал, отец? — спросил Рейнар, переступая порог.

— Закрой дверь.

Он молча выполнил приказ.

Мой отец воспитывал меня как солдата. Я никогда не называл его папой. Сам я оказался менее суровым. Но иногда, как сейчас, мне казалось, что его голос продолжает звучать через мой.

— Что это было после завтрака?

Я старался говорить спокойно, сдержанно. Но где-то на подкорке сознания медленно и уверенно росла ярость.

— Она психовала. Ты и сам хотел ее успокоить. Я видел...

— Так не вмешивался бы.

Спиной я ощущал, как сын смотрит на меня. Всегда одинаково: зло и отстранённо.

— После тебя она бы потом несколько часов в истерике провела или в паранойе. После меня нет последствий.

И тут я не выдержал. Голос прорвался сам собой. Кулак ударился о стол. В один шаг оказался рядом с сыном, схватил его за воротник и почти прорычал:

— Она тебя боится! Как ты собираешься исправлять это?!

Грудь тяжело вздымалась, а в груди дикие звери скребли

когтями.

Рейнар смотрел на меня спокойно, но я чувствовал его страх. Совсем слабый, почти незаметный. Чувствовал, как едва заметно дрожат его руки.

— Если твоя жена будет тебя бояться, она не ляжет с тобой в одну постель! Тогда у тебя не будет наследников! — короткая пауза дала мне сделать глубокий вдох и чуть остудить нрав. — А без наследников у тебя не будет Морвейнда. Не будет ни одного континента.

Император оставил после себя много грязи, в которой до сих пор тонут все правители. И я бы хотел, чтобы Рейнар не познал этой участи. Но война была не ради этого.

Мой дед и отец умерли не за это.

Я сражался не за это.

Я бился за право быть на вершине.

За право быть королем.

За то, чтобы мои потомки оставались великими.

За силу и власть и за все их последствия.

— Ты извинишься перед ней. И сделаешь так, чтобы она тебя полюбила.

Другого выхода у меня не было. Когда Фредрин предложил Элиру в жены Рейнару, я не сомневался ни секунды. А слова его жены так и остались для меня пустым звуком. Я всегда считал ее немного сумасшедшей.

— Отец...

— Ваше величество, — холодно перебил я.

Рейнар недовольно сжал челюсти.

— Ваше величество, — с нежеланием повторил Рей, — это неправильно. Я не могу заставить ее...

— Это приказ твоего короля.

Я подошел вплотную и упёрся лбом в его лоб.

— Будь так добр... выполни его.

Вальтер хотел отправить меня на занятия, но я отказалась. На удивление, он не стал спорить. Только предупредил, что это первый и последний раз, когда он идёт мне навстречу.

Стоило двери закрыться, как ноги сами понесли меня по комнате. Я ходила без всякой цели. От окна к кровати. От кровати к двери. Потом обратно. Куртка полетела на пол первой. Следом сапоги. Я даже не посмотрела, куда они упали. Руки сами расстёгивали пуговицы, избавляясь от одежды так поспешно, будто вместе с ней можно было снять всё, что произошло за это утро.

Нельзя. Ничего нельзя.

Я остановилась посреди комнаты и медленно выдохнула. — Хорошо... — пробормотала себе под нос. — Давай попробуем понять хоть что-нибудь.

Мысли путались.

Мег.

Отец.

Вальтер.

Рейнар.

Магия.

Каждое новое слово цеплялось за предыдущее и превращалось в клубок, который невозможно распутать.

Если отец знал... Нет. Он точно знал. Иначе зачем отпра-

вил бы меня сюда именно сейчас?

Я опустилась на край кровати, но усидела всего несколько секунд. Снова поднялась. Спокойно думать не получалось. Ноги сами продолжали мерить комнату шагами.

— Если отец боялся Мег... тогда почему столько лет держал её рядом?

Ответ не находился.

— А потом сказал вернуться... когда буду готова. Готова к чему? К магии? К Богам? Или к тому, что всё, во что я верила шестнадцать лет, оказалось ложью?

Я подошла к ванной и машинально потянулась за первым, что попало под руку.

Халат. Тонкий, шёлковый. Розовый. Я недоверчиво посмотрела на него. Мама любила такие. Часто ходила в них по комнате, пока расчёсывала волосы или читала перед сном. Я всегда удивлялась, как ей не холодно. Теперь выбирать не приходилось. Ткань приятно скользнула по коже, неожиданно успокаивая. Хотя бы ненадолго.

Остановилась у окна. Из него был виден огромный цветущий сад. Теперь в лучах солнца. И он на мгновение заставил мои мысли успокоиться. Внизу было пусто и я не постеснялась развалиться в кресле, закинув ноги на подлокотник.

Волосы освободились из красивой косы и, успев принять форму мелкой волны, аккуратно спадали вниз. Я откинула голову назад и запустила руки в волосы, массируя кожу. Глаза машинально закрылись, а вот мысли продолжали идти.

Мама часто рассказывала сказки. Вернее, я всегда думала, что это сказки. Теперь уже не была уверена.

Я закрыла глаза. Запах её духов всплыл в памяти раньше слов. Тонкие пальцы перебирали мои волосы. Тёплое одеяло. Свет свечи.

— *Кайра была Богиней войны. Она всегда рвалась в бой. Ей было мало просто наблюдать. Она жаждала крови...*

— *Мамочка, мне страшно...*

— *Тише, Лира, это просто сказка,* — мама улыбнулась и крепче прижала меня к себе, — *Кайра на самом деле добрая. Она помогала только хорошим людям...*

— *А как она понимала, кто хороший?*

— *Боги все видят. Твое прошлое, будущее, настоящее. Видят твои чувства и эмоции, которые ты пытаешься скрыть. Видят твою душу. И именно душа открывает Богам твою суть.*

— *Душа?*

— *Да, милая, душа. Если ты добрый человек, твоя душа будет источать свет, прям как солнышко. А если ты плохой — душа будет чернее ночи.*

— *А я могу увидеть душу?*

— *Нет. Душу ты не увидишь, но ты можешь смотреть на поступки. Человек может казаться тебе злым. У него будут злые глаза. Но самая яркая душа.*

— *А у меня какая душа?*

— *Ты еще совсем маленькая. Твою душу Боги...*

И снова провал. Дальше я ничего не помнила. Как бы ни старалась.

Все сказки были одинаковыми. Мама начинала говорить о Богах, я задавала слишком много вопросов, и мы надолго уходили от самой истории. А когда мама все-таки возвращалась к сказке — я уже засыпала.

Размышления прервал тихий звук. Мелкие камушки ударились о стекло.

Я чуть повернула голову и взглянула в окно.

Опять этот чертов Рейнар.

Резко вскочив с кресла, задёрнула шторы и, прежде чем закрыть его от себя, показала в окно средний палец. В последнюю секунду я заметила, как он поймал мой жест и игриво улыбнулся.

Он чуть не убил меня пару часов назад. А теперь что? Решил «мило» побеседовать?

Вернулась к креслу и тяжело плюхнулась в него. Глаза сами закрылись. В груди стало тесно. По спине пробежал холодок. Я обняла себя за плечи так крепко, что ногти сразу впились в кожу. Боль пришла почти мгновенно. Маленькая. Понятная. Настоящая. Её можно было терпеть.

Только ее и удавалась терпеть.

Следующим утром я сама отправилась в библиотеку.

Замок оказался настолько большим, что до нужного крыла пришлось идти добрых пятнадцать минут. Коридоры постепенно пустели, шаги начинали звучать громче, а разговоры, доносившиеся из жилой части дворца, растворялись где-то позади. Здесь было тихо. Не той уютной тишиной, что бывает дома перед сном, а другой. Старой. Почти торжественной.

Двустворчатые дубовые двери открылись неожиданно легко. Я остановилась на пороге. Библиотека занимала два этажа. Высокие книжные шкафы поднимались почти до самого потолка и соединялись узкими галереями с резными деревянными перилами. По ним тянулись длинные лестницы на колёсиках, позволяя добраться до самых верхних полок. Казалось, книги здесь никогда не заканчивались. Они заполняли стены от пола до потолка, прятались в нишах, лежали аккуратными стопками на широких подоконниках и даже на небольших столиках между креслами. Сквозь высокие арочные окна внутрь проникал мягкий утренний свет. Пыль медленно кружилась в солнечных лучах, будто время здесь текло иначе, чем в остальном замке. Пахло старой бумагой, древесиной, воском и чем-то сладковатым. Наверное, засушенными травами, которыми перекладывали страницы,

чтобы книги не отсыревали.

Я невольно улыбнулась.

Если где-то и можно было спрятаться от всего происходящего, то именно здесь. К сожалению, ненадолго.

На большом дубовом столе у открытого окна уже лежала аккуратная стопка книг. Рядом стоял пожилой мужчина в длинном сером плаще.

— Его Величество просил передать, что начинать следует именно с них, — спокойно произнес он, заметив мой взгляд.
— Если возникнут вопросы, обращайтесь.

— Спасибо.

Старик едва заметно поклонился и бесшумно исчез между стеллажами.

Я опустилась в мягкое кресло и осторожно провела ладонью по верхней книге.

За ночь злость немного улеглась. Не исчезла. Просто перестала управлять мной. Отец отправил меня сюда не просто так. Теперь я понимала это гораздо лучше, чем вчера. Если уж оказалась здесь, значит, обязана узнать всё, что от меня столько лет скрывали.

Первой книгой оказался толстый потрёпанный том под названием «Храм и чаша». Название не обещало ничего интересного.

Я ошиблась.

«В трудах первых исследовательских экспедиций упоминается хорошо сохранившийся храм, обнаруженный

глубоко под землей на континенте Морвейнд. Авторы единодушно отмечают, что центральная камера святилища была пуста. В ней находилась лишь одна каменная чаша, наполненная кровью. Никаких иных предметов, надписей или следов пребывания людей обнаружить не удалось.»

Странно. И довольно мерзко.

«Особое внимание исследователей привлекло состояние содержимого чаши. Несмотря на невозможность определить срок ее пребывания в храме, кровь не имела признаков свёртывания, высыхания или разложения. Напротив, по всем наблюдаемым признакам она оставалась свежей. На основании этого была выдвинута гипотеза о регулярном пополнении чаши. Однако произведенные расчёты показали, что для поддержания подобного объёма потребовалось бы количество крови, сопоставимое с кровью не менее семи взрослых лошадей. Ни поселений, ни следов постоянного пребывания людей или животных в окрестностях храма обнаружено не было. Во время третьего дня исследования один из членов экспедиции нарушил установленный запрет и прикоснулся к поверхности крови. По свидетельствам очевидцев, разрушение его тела произошло мгновенно. Не осталось ни костей, ни одежды, ни личных вещей. На месте, где он стоял мгновение назад, обнаружили лишь тонкий слой серой пыли.»

Я невольно отодвинулась от книги. С моим ярким воображением нельзя читать такое. Особенно, если это считается чистой правдой.

Я ощутила на себе, как испаряется тело. Затем — страх второго ученого. Как округлились его глаза. Я бы кинулась бежать, не оглядываясь, и никогда больше не выходила из комнаты.

«Через несколько десятков лет к храму вернулась новая экспедиция. До центральной камеры добрались только двое: девушка и ее совсем юный спутник. Примечательно, что авторы отчётанигде не называют их имён. Во всех сохранившихся записях они упоминаются лишь как «женищина» и «юноша».»

Мне подумалось, что они знали имена, но по каким-то причинам утаили их. Может эти дети играют особую роль? Может, чтобы защитить их?

«Юноша добровольно коснулся крови, находившейся в чаше. Контакт не привёл к последствиям, описанным в предыдущих экспедиционных отчётах. Испытуемый не получил повреждений и сохранил полную жизнеспособность. Этот случай стал первым документально подтверждённым нарушением установленной закономерности.»

Я нахмурилась.

Значит, дело не в чаше с кровью... А в человеке?

«Через несколько дней после контакта с содержимым

чаши юноша продемонстрировал способность мгновенно замораживать воду. Первым задокументированным случаем стало образование льда на поверхности пруда. Каким образом проявилась эта способность и что послужило причиной ее возникновения, в исследовательских материалах не уточняется.»

Интересно, что стало с мальчиком, когда он раскрыл способности?

«Девушка не прикоснулась к крови, однако в тот же день произошёл другой необъяснимый случай. Во время несчастного случая лезвие топора сломалось о ее кожу, не оставив на теле даже малейшей царапины. Каких-либо объяснений этому явлению авторы исследования не приводят.»

Я захлопнула книгу и некоторое время смотрела на потрескавшуюся кожаную обложку. Что-то во всей этой истории не складывалось. Если прикосновение к крови убило одного человека и никак не навредило другому, значит дело было вовсе не в чаше. Если девушка вообще не приближалась к ней, но в тот же день получила способность, значит причина скрывалась где-то ещё.

Я невольно вспомнила Рейнара. Он тоже обладал силой. Значит, и он когда-то оказался рядом с этой чашей? Или магия выбирала людей совсем иначе?

Ответов книга не давала. Вместо них она оставляла ещё больше вопросов.

Я потеряла затекшую шею. Наверное, просидела здесь уже часа четыре. Солнце успело подняться высоко и теперь медленно двигалось к западу. Открытое окно впускало в библиотеку запах цветущего сада и множество звуков. Где-то неподалёку повара громко спорили, перекрикивая звон металлической посуды. Чуть дальше тренировались солдаты. Удары деревянных мечей звучали ритмично, словно кто-то отбивал размеренный марш. На каменной дорожке сидели две девушки в одинаковых серых платьях с открытыми плечами. Их широкополые шляпы почти полностью скрывали лица от солнца. Они смеялись над чем-то, наклоняясь друг к другу так близко, словно делились большой тайной. Чуть дальше расположились двое молодых мужчин. Одного я не знала. Второго узнала сразу.

Рейнар.

Он сидел боком ко мне, лениво опираясь локтем о скамью. Солнечный свет скользил по его темным волосам, а короткие рукава тренировочной рубашки открывали сильные руки.

Именно в этот момент он поднял голову. Наши взгляды встретились. В груди неприятно кольнуло. Тело словно вспомнило вчерашнее утро быстрее памяти. Я почти почувствовала, как снова исчезает воздух, а сердце становится тяжелым и медленным. Поспешно отвернулась.

— Спокойно... — тихо сказала самой себе, прижимая ладонь к груди. — Он ничего не делает. Всё уже закончилось. Дыхание постепенно выровнялось.

— Элира?

Я резко подняла голову.

Вальтер двигался так тихо, что я даже не слышала его шагов.

— Как продвигается чтение?

— Пока успела закончить только одну книгу.

Я подвинула том к нему.

— «Храм и чаша».

Король мельком взглянул на обложку и понимающе кивнул.

— Хороший выбор для начала.

— Скорее, хороший способ окончательно запутаться.

Он едва заметно улыбнулся.

— Значит, книга справилась со своей задачей.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Она должна была запутать меня?

— Нет. Она должна была заставить тебя задавать вопросы.

Я провела пальцами по переплёту.

— Тогда первый вопрос уже есть.

Вальтер молча ждал.

— Почему все решили, что источником силы была именно чаша? Ведь один человек погиб, другой выжил, а девушка вообще к ней не прикоснулась.

Король заметно оживился:

— Именно поэтому историки до сих пор спорят между собой.

— То есть никто не знает?

— Никто не знает наверняка.

Он сделал небольшую паузу.

— Всё, что записано в этой книге, основано на свидетельствах очевидцев. Выводы авторов могли оказаться ошибочными.

Я медленно кивнула. Эта мысль почему-то принесла облегчение.

Значит, сомневаться было не запрещено.

— А второй учёный?

Вальтер внимательно посмотрел на меня.

— Что именно тебя интересует?

— Он ведь остался жив.

— Остался.

— Значит, с ним можно поговорить? — я произнесла это с явной насмешкой, но вот Вальтер не принял мои слова за шутку.

На этот раз улыбка на лице короля стала шире:

— Именно это я и хотел услышать.

Я удивлённо подняла брови:

— Он жив?

— Да.

Несколько секунд я просто смотрела на Вальтера.

— Но... этой истории несколько сотен лет.

— И ты сможешь задать ему все свои вопросы сама.

Наверное, именно сейчас у меня получилось выглядеть

совершенно глупо.

— Как?

— Позже.

Конечно. Опять позже.

Из груди вырвался тяжелый вздох.

— Ты говорила с Рейнаром?

Голова сама собой качнулась из стороны в сторону. Не хотела даже говорить *о нем*, не то что *с ним*.

— Не думаю, что смогу. Он чуть не убил меня.

— Он не хотел.

Я чуть склонила голову набок, не сдержав короткого смешка:

— Вы так уверены...

— Рейнар может показаться холодным и жестоким. Это у него от меня, — спокойно ответил Вальтер. — Но он не плохой человек. Уверен, он хотел бы перед тобой извиниться.

— Не думаю...

Вальтер подошёл ближе и осторожно убрал выбившуюся прядь волос мне за ухо. Этот жест должен был выглядеть потечески. Но почему-то казался чужим.

— Тебе и не нужно думать.

Я нахмурилась от слишком резкого ответа. Почти приказ.

Вальтер поправил ворот рубашки и чуть наклонился ко мне:

— Он твой жених. Хочешь ты этого или нет.

Плечи невольно напряглись. Я знала об этом с самого детства. Знала так же хорошо, как собственное имя. Но сейчас эти слова прозвучали иначе. Будто вчерашнего утра вовсе не существовало. Будто Рейнар не стоял надо мной, забирая мою жизнь, а я не чувствовала, как сердце медленно оста-навливается.

Вальтер осторожно провел ладонью по моим волосам, старательно изображая заботливого отца. Затем улыбнулся, но эта улыбка не коснулась его глаз. Она выглядела такой же безупречной, как и всегда, и такой же пустой.

Не сказав больше ни слова, король развернулся и вышел.

Любил же он оставлять последнее слово за собой.

Я еще несколько секунд сидела неподвижно, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Потом машинально посмотрела в окно.

Скамья уже пустовала.

Сад жил собственной жизнью. По дорожкам бегали дети, за ними неторопливо шли нянечки, а на скамейках небольшими компаниями сидели юноши и девушки, споря так горячо, что временами их смех долетал даже до окон библиотеки.

Дорога до школы оказалась гораздо длиннее, чем я ожидала. Пришлось миновать несколько внутренних садов, пересечь широкую площадь с фонтаном, затем долго идти по узкой дорожке, выложенной серой брусчаткой. К тому моменту, когда впереди наконец показалось школьное здание, ноги уже начинали приятно гудеть.

Любопытство заставило меня обернуться. Даже отойдя так далеко, все равно не могла разглядеть башни дворца.

Насколько же он огромен?

А вот у школы был только один этаж. После дворца она казалась почти бедной. Ни ковров, ни позолоты, ни тяжёлых люстр. Голый камень, деревянные двери и длинные коридоры, в которых пахло мелом, маслом для оружия и холодным железом. Огромные окна пускали слишком много света иставляли происходящее на всеобщее обозрение. Голые серые стены хранили на себе портреты каких-то великих людей, которых я не знала. Мой прошлый учитель не посвящал меня в их биографии и труды. На стенах между портретами

висели мечи. Полированные клинки ловили солнечный свет и холодно поблескивали, словно даже здесь напоминали, чему в этих стенах учат прежде всего.

Кабинеты были укомплектованы столами и стульями для каждого ученика. Некоторые оставались пустыми, в них лежали маты для тренировок.

Студенты варьировались по возрасту от пятнадцати до двадцати лет — парни и девушки. Все они носили одинаковую форму, отличающуюся лишь посадкой: у девушек облегла фигуру, не оставляя места для воображения, а у парней она была свободнее.

— Тринадцать... — шептала я, рассматривая таблички на дверях. — Нашла...

Дверь легко отворилась и на меня теперь смотрели чело-
век пятнадцать.

— Элира Эльдрант? — спросила женщина средних лет. —
Ко мне можно обращаться — мадам Торрин. Я твой куратор,
а так же буду учить тебя владеть оружием.

Она указала на свободное место в середине.

Я заставила себя выпрямить спину, подняла голову и медленно прошла к свободному месту, ощущая на себе десятки любопытных взглядов. По кабинету сразу поползли шепотки. Кто-то оглянулся. Кто-то ткнул соседа локтем. Кто-то улыбнулся. Я сделала вид, что ничего не замечаю.

— Это она?

— Да...

— Совсем не похожа.

— А я думал, красивее.

Мои пальцы намертво сомкнулись на краю стола.

— Эй, принцесса? — мужской голос сзади и легкое касание в спину. — А правда, что принц тебя бросил как только увидел?

Кожа моей куртки тихо скрипнула.

Смех прокатился по классу.

Ни одно слово так и не сорвалось с моих губ. Во дворце мне никогда не приходилось защищаться самой. Достаточно было назвать имя моего отца, и любой спор заканчивался раньше, чем начинался. Здесь же его имя ничего не значило.

— И это наша будущая королева? — шепнул кто-то, — Рейнар с другой. Что будет дальше?

Слова вошли точно под ребра.

— Она сбежит... Вот увидите...

Понятно. Я для вас не более, чем трофей Рейнара. Еще посмотрим...

— Первое правило школы! — громкий голос учителя заставил замолчать всех. — Здесь нет титулов: королей, принцесс, — она посмотрела на меня, вскинув брови.

Ответом стало едва заметное движение головы.

— Нет пекарей и кузнецов. Вы — маги. Солдаты. Те, кто первым пойдет в бой при любой угрозе!

Ладони вспотели. Всю жизнь меня учили совсем другому. Говорить спокойно. Держать осанку. Запоминать родослов-

ные, государственные договоры и придворный этикет. Никто никогда не готовил меня становиться солдатом. Тем более магом.

— Второе, — мадам Торрин повысила голос, — Контроль — важнее всего. Когда к вам придет магия — это единственное, что сможет спасти вас от смерти.

Что?!

Воздух застрял на полпути и я закашляла.

Все обернулись на меня.

— Что-то хочешь сказать? — спросила куратор.

— Я... — слова терялись в потоке мыслей, — Я думаю, что вышла ошибка...

— И какая же? — куратор была спокойна. Даже слишком.

— Я не маг... У меня ничего такого нет...

Теперь класс не сдерживался и засмеялся во все горло.

— Зачем нам безродная королева?

— Безродная?! — я возразила быстрее, чем подумала.

— Правило первое! — крикнула куратор и кабинет наполнил холодный ветер, кусающий голые участки кожи.

Я упала на стул и закрылась руками.

Бумаги сорвались со столов. Чернильницы покатались по полу. Чьи-то книги хлопнули, раскрываясь посреди класса. Волосы учеников разметало во все стороны. Красные пальцы и щеки горели от холода. И только мадам Торрин осталась неподвижной. Ни одна прядь не выбилась из идеально собранной причёски.

— Правило первое, — тихо повторила она и надменно кинула взгляд в мою сторону, — Ошибки нет. Слушай молча.

— По...

— Молча!

Я вжалась в стул, будто могла стать им.

Правил оказалось неожиданно много.

Никаких титулов.

Никаких привилегий.

Повиновение.

Контроль.

Ответственность.

С каждым новым правилом мне казалось, будто кто-то медленно стирает прежнюю Элиру. Принцесса Тарвелда здесь никого не интересовала. Девочка, которую готовили к политическим бракам, балам и дипломатическим приёмам, осталась на том заснеженном берегу. Здесь меня собирались учить не улыбаться гостям и не вести переговоры, а держать оружие, выживать и однажды идти на войну. Мир менялся слишком быстро, а я отчаянно не успевала за ним.

— Оружие.

Куратор уселась на край стола и достала из-под длинной юбки небольшой кинжал с кривым, как змея, лезвием. Она легко покрутила кинжал между пальцами, словно тот ничего не весил.

— Ваш верный друг и единственный. Подумайте хорошо, прежде чем брать в руки первое попавшееся.

Учитель снова обратилась глазами ко мне. Каждый раз под ее взглядом хотелось стать меньше.

Парень за моей спиной словно поставил себе цель не замолкать ни на минуту. Стоило мадам Торрин отвернуться, как он снова наклонялся вперед:

— Если принц уже занят, значит ты свободна?

Я молчала. Даже не оборачивалась.

— Гордая? В этих стенах — мы на равных.

По спине прошел холод.

Вряд ли будет легко...

— Все свободны. Кроме Эльдрант, — сказала куратор, сложив руки на груди.

Кабинет опустел за считанные секунды. Я все так же сидела на стуле и желала испариться.

— Элира, — начала мадам Торрин, — Тебе будет сложно.

Глаза зацепились за подол ее юбки. Черный цвет поглощал весь свет, что на него падал.

— Здесь тебя будут проверять. Не дай повода сломать тебя.

Я подняла взгляд. Куратор подошла и облокотилась ладонями на мой стол.

— Я не понимаю... — даже шепот был робким.

Учитель вздохнула:

— Забудь, что ты дочь короля. Что ты невеста наследника.

Ком подступил к горлу.

Забывать, что я дочь своего отца?

— И готовься, что и за пределами школы будет точно так же.

— Почему они называли меня безродной?

Я моргнула слишком поздно. Капля сорвалась сама.

— Магия играет куда большую роль, чем тебе кажется. Для простого человека это дар. Для короля или королевы она становится второй властью. Правая рука, без которой невозможно удержать государство.

Самым сложным оказалось знакомство с мадам Рутт.

Лицо в шрамах. На правой руке — только большой и указательный пальцы. На шее — странные надписи. Левый глаз затянут серой пеленой. Голос — как зима. Сухой, холодный. Движения резкие.

— Руны — ваши помощники, — говорила она, разминая шею, — Если у вас есть магия, конечно...

В плечо толкнули.

Не обращаем внимания...

— Эльдрант? — шепотом позвал кто-то.

Глаза метнулись в сторону.

Парень. Похожий на того, кто доставал меня ранее, только со шрамом на щеке — глубоким, неровным.

— Прогуляемся? — он мило улыбнулся и подмигнул мне.

Несколько секунд я смотрела на него, не моргая. Потом помотала головой.

— Почему?

Почему?!

Дома все было просто:

— Вот выйдеши замуж и общайся с кем хочешь.

— А сейчас, — мадам Рутт довольно улыбнулась, — Берем иголки и проверяем: маги вы или самозванцы.

Она уколола указательный палец. Маленькая капля крови

тут же взлетела вверх.

У меня внутри все замерло от того, как это красиво и пугающе одновременно.

Мадам Рутт коснулась капли, закрыла глаза. Провела пальцем — кровь потянулась следом:

##¹

— Это руна означает «да», — учитель открыла глаза. Взгляд прошелся по классу и остановился на мне.

Дрожащие пальцы взяли тонкую иглу.

— Если сможете с третьего раза призвать руну — поздравляю, — безразлично добавила мадам Рутт и собрала пальцы в кулак. Руна растворилась, а кровь разбилась о деревянный пол.

Игла тряслась. Я не решалась проколоть палец.

Странно. В любой ситуации, которая давит на меня и заставляет испытывать самые ужасные чувства, я готова до крови вонзить ногти в ладони, прокусить губу или расцарапать плечи. Но не сейчас.

Давай, Лира, это просто игла...

Один за другим, ученики довольно улыбались, когда их кровь, зависая над партой, обретала очертания рун.

— Эльдрант... — голос мадам Рутт прозвучал слишком громко, — Ты не предприняла ни одной попытки...

— Она безродная, — сказала какая-то девушка в первых рядах.

На что мадам Рутт наградила ее презрительным взглядом.

И меня эти слова снова задели.

Зажмурилась.

Игла вошла под кожу и тонкая нить боли разошлась по пальцу.

Да. Да. Да. Да. — повторяла про себя и представляла руку.

Темнота.

Открыла глаза и готова была опустить руки, но...

Вокруг меня летали сотни символов, излучая солнечный свет. Мне не хватало поворота головы, чтобы рассмотреть каждую. Перед глазами мелькнула та самая и я коснулась ее. Кровь расплылась по форме и на секунду засветилась ярче, чем остальные.

— Хорошая работа... — протянула учитель. Но голос выдал некое беспокойство. — Закончили. Поздравляю.

Кровь упала на стол и тут же испарилась. По классу пошел шепот. Голоса смешивались в один ком и разобрать что-то не было возможным.

Смогла! — улыбнулась себе и за весь день вздохнула полной грудью.

Примечание: ¹ *Йа* (рек-ия на прото-германском) — *Да*.

В саду было тихо и спокойно. Ночь медленно подбиралась. Цветы закрывали бутоны. Листья деревьев пели колыбель, убаюкивая своих обитателей. На небе зажигались звезды. В окнах дворца загорались свечи. Ветер становился прохладным и таким приятным — и это наконец было кстати.

Я решила, что до самого утра не буду ни о чем думать. Отдамся ощущениям, дворцу, мягкой кровати и горячей ванне. Сейчас мое тело отпускало напряжение от нескольких часов беготни по коридорам, неподвижности на деревянном стуле и десятков глаз.

Свободная лавка манила сесть и расслабиться. Я не смогла отказать. Мягкие подушки окутали спину. Сняла обувь и вытянула ноги вдоль сидения. Голова машинально ушла назад. Глаза закрылись.

— Хоть бы не уснуть, — улыбнулась сама себе.

— Уснешь и мне придется нести тебя в кровать.

Я подскочила на месте.

— Ты за мной следишь?

Рейнар стоял в шаге от меня и смотрел куда-то вдаль. Я невольно проследила за его глазами. Там стояла она — его возлюбленная. Об этом не надо было даже спрашивать. Его глаза, которые обычно были суровыми и непроницаемыми, сейчас горели желанием и нежностью.

— Нет. Просто ты всегда там, где я, — он усмехнулся и повернулся ко мне. Опустился на корточки. Теперь его лицо было почти на уровне с моим. А глаза медленно теряли нежность, которая еще секунду назад заполняла его полностью.

Мне стало обидно. Я готовилась всю свою жизнь. А он — просто жил.

Отвернулась. Не хотела, чтобы он видел мою грусть. Я была предназначена ему еще задолго до того, как отец встретил маму. Мне не разрешалось заводить дружбу с кем-либо, кроме девочек. Но этим девочкам давали выбор, которого не было у меня.

Сжала кулаки и ногти впились в ладонь. Прошлые раны еще не зажили, пуская мелкие капли крови. Тело меня подводило. Хотела сохранять спокойствие, но дрожь яростно одолевала.

Это не честно! У меня тоже должен был быть выбор! Должно было быть детство!

В горле образовался ком, который я с трудом сглотнула.

— Эй, Эльдрант?

Краем глаза заметила, как Рейнар протягивает ко мне руку.

Внутри все сжалось.

— Что ты делаешь?! — вскрикнула я и вскочила на ноги, отступая на несколько шагов от принца.

Брусчатка пустила холод по моим ступням.

Рейнар вскинул руки перед собой и встал, с улыбкой смот-

ря на меня.

В моих глазах бегал страх. Рейнар видел это. И ему нравилось.

— Боишься? — с ухмылкой прошептал он.

— Не подходи ближе! — скомандовала я и вытянула руку, обозначая расстояние.

Но он не слушал.

Я оглянулась за спину.

Живая изгородь не давала и шанса на побег. Рейнар медленно приближался. За куртку начали цепляться ветки. На месте сердца теперь было пусто. Глаза забегали, ища выход.

Хоть какой-то...

— Да ладно тебе, Лира... — протянул Рейнар и чуть наклонился ко мне.

Сейчас он напоминал мне хищника, который загнал добычу в угол и просто играет перед тем, как убить.

А он мог меня убить. Меньше, чем за минуту.

Я подняла кулаки перед собой. Сама не знаю зачем.

Рейнар залился смехом. В глазах мелькнул озорной огонёк.

— Думаешь, сможешь меня одолеть этим?

В следующий миг он уже крепко сжимал мои запястья одной рукой. Ноющая боль окутала руки.

Мне хотелось исчезнуть.

— Отпусти... — дрожа, потребовала я.

Но он не послушал. Поднял руки над моей головой и те-

перь я четко ощущала, как он дышит. Как спокойно бьется его сердце, по сравнению с моим — бешеным.

— И вправду... боишься.

Его губы почти коснулись моего уха. По спине прошла новая волна холода.

— Отпусти... — я готова была молить его о пощаде.

Смерть пришла ко мне под маской наследника.

— Я не причиню тебе вреда... — шепнул принц и чуть отстранился. Теперь я смотрела в его глаза, которые смягчились. Тело расслабилось. Тревога и страх отступили, но только на шаг.

— Ты всё-таки моя невеста, — он слегка улыбнулся и осмотрел меня оценивающе — снизу вверх. Задержался на моих ладонях.

— Твою мать, Лира! — возразил Рейнар и опустил мои руки, — Что у тебя за привычки?

Мой взгляд задержался на собственных руках. Совсем маленькие капли крови слегка растеклись по ладони и застыли. На запястье — красный след от его пальцев. Перевела взгляд на принца. Он бережно держал мои руки и рассматривал на наличие других ран.

Я отступила, возвращая себе возможность свободно дышать.

— Я в порядке.

Меня все еще немного трясло. Но теперь больше от холода. Я стояла босиком на холодной земле. Поймав глазами

обувь, обошла Рейнара. Спешно натянула ее и хотела уже уйти, но он схватил меня за локоть.

— Прости, что напугал и за то, что было вчера. Я...

— Не думал, что я такая слабая? — перебила я принца, — Простите, Ваше Величество! — я наигранно поклонилась. Во мне проснулась недавняя обида. И, почти крича, выпалила, — Простите, что меня с пеленок учили быть твоей женой, а не махать мечом, как ее! — рукой указала туда, где недавно стояла его любовь, — Я с утра до ночи сидела в кабинетах учителей! Меня учили любить тебя! Без выбора!

Остановилась. Поняла, что дыхание сбивается. Как если бы я бежала много миль без остановок.

Рейнар смотрел на меня без какой-либо эмоции. Как всегда.

— Я не знал... — тихо сказал он и отпустил мою руку.

Я хотела уйти. Просто ноги не слушались. Глаза не переставали смотреть в его.

— Скажи честно, ты хочешь, чтобы мы... — принц сглотнул.

Я ему настолько противна, что он даже не может сказать слово «брак»?

— Отъебись, Рейнар!

Сорвалась с места. Не оглядываясь.

Рейнар Вальтер

Профессор говорил уже минут двадцать, а я все еще прокручивал в голове утренний разговор с отцом. Понимал его. Вот только раньше подобных задач передо мной никто не ставил. До сих пор все было до смешного просто. Крестьянки, дочери генералов, наследницы мелких домов. Всех можно было впечатлить одинаково: красивыми словами, дорогими подарками или вниманием наследника Морвейнда. Элира же выросла в королевском дворце. Цветами ее не удивишь. Драгоценностями тоже. Она жила среди всего этого с рождения.

И чем, спрашивается, должен впечатлить ее я?

Хотя выбирать ей все равно никто не позволит.

— Вальтер, — голос учителя вернул меня в класс, — что мы делаем, когда пропускаем через себя слишком много магии?

Профессор Корн — старый, осунувшийся, дрожащий мужчина с седой головой и всякими пятнами на лице. Да и по всему телу, я уверен. Он преподавал контроль магии. Когда-то был советником моего отца, а теперь предпочитал воспитывать будущих магов.

— Ну, во-первых, — начал я, откинувшись на спинке стула, — такого лучше не допускать. А если случилось, то нужно попытаться обуздать свои эмоции и сосредоточиться на потоке. Затем постепенно закрыть его на несколько часов.

Профессор кивнул, но подарил мне не самый довольный взгляд.

Он продолжил урок, но мысли уже были далеко отсюда. В разговоре за спиной. Там Алекс рассказывал что-то более интересное.

Я откинулся назад так, чтобы стул поднялся на задние ножки и я оказался еще ближе, чтобы как следует все услышать.

— ... это было в Раксáре. На прошлой неделе.

— И откуда ты узнал?

— Моя сестра там живет с мужем. Она написала мне об этом.

— О чем? — шепотом спросил я, не выпуская из виду профессора.

— Из Ярого приплыл мужчина. Без документов. Без имени. И когда его спрашивали откуда он родом, он назвал несуществующий город.

В последнее время подобные слухи всплывали слишком часто. И, если все действительно так, то я отправлюсь ловить таких людей, если отец даст согласие.

— Король Солáри запер мужика в темнице. Говорят, что он ждет вердикта твоего отца.

Отец мне не говорил об этом.

— Я очень надеюсь, — голос учителя стал громче, — что вы усвоили сегодняшний урок. Потому что следующий будет проверкой ваших знаний. Урок окончен.

Мы с ребятами лениво покинули класс и побрели на тренировочное поле. Каждый день у нас были мечи, стрелы, копья — все это занимало почти все расписание с перерывами на руны, контроль и стратегию.

— Ты опоздал, — сказал Алекс, пока мы меняли свою форму на более удобную одежду и тонкие латы.

— Отец вызывал, — я тяжело вздохнул, вспомнив, что мне предстоит сделать.

— Что-то секретное? — улыбнулся друг и толкнул меня в плечо. — Или опять по одному и тому же.

Алекс внук одного из советников моего отца. И семья его имеет большое влияние в столице. Мы познакомились еще детьми. Потом вместе сбегали из дворца, впервые напились, впервые оказались в борделе и одинаково плохо ввали моему отцу, когда нас ловили. После такого дружба либо заканчивается, либо остается на всю жизнь.

Алекс знал все мои секреты. И даже некоторые государственные тайны. Поэтому я не боялся сказать ему:

— Отец велел влюбить в себя Элиру.

Брови на лице Алекса сошлись на переносице.

— Это... та новенькая?

— Это Эльдрант. По совместительству моя будущая жена.

— Что?! — воскликнул друг.

Я слегка ударил его кулаком по плечу:

— Не строй из себя дурака, умоляю.

Алекс посмеялся, а потом тяжело вздохнул:

— Она уже твоя невеста, зачем влюблять ее в себя?

— Самое смешное, что вчера я советовал ей обратное. А сейчас подойду и попрошу передумать. Лучше не придумаешь!

Вся эта затея с каждой минутой казалась мне абсурдом. Я не желал ни ее любви, ни самого этого брака. Но день свадьбы приближался быстрее, чем мне хотелось.

Раздражение привычно поднялось где-то под рёбрами. Старое. Хорошо знакомое. Отец снова решил за меня.

— К черту, — шепнул я сам себе и взял свой меч с оружейной стойки.

На выходе из палаты меня ослепило солнце на несколько секунд, а затем открылся поистине прекрасный вид. Второгодки страдали от деревянных мечей третьегодок. Некоторые даже сплёвывали кровь под ноги, а затем с криком рвались в атаку. Но сразу оказывались на земле.

Вот где все становилось понятным. На поле боя никто не требовал нравиться людям. Достаточно было оказаться сильнее противника. Здесь я выпускал весь накопившийся гнев. Бился до потери сознания. Зарабатывал синяки. Но после всегда ощущал лёгкость и свободу.

Мадам Торрин вела наши тренировки, когда была свобод-

на от других дел. Я восхищался этой женщиной. Она могла одолеть любого из нас за считанные секунды. Кто-то говорил, что она родом из самого северного города Тárвелда — Лорán. И еще ребенком участвовала в войне.

Когда-нибудь я обязательно превзойду даже ее.

— Сегодня по парам! — крикнула учитель и помахала рукой в воздухе, старательно выравнивая сбившееся дыхание. — Мечи меняем на деревянные. Рейнар, Алекс, Касиан — вас касается.

— Вот же... — оскалился Алекс и кинул на землю свои мечи.

Я молча сменил оружие.

Несколько часов подряд, без перерывов, мы оттачивали один прием за другим. Многие парни уже попрощались с рубашками, как и я. И кожа наливалась красным от жара солнца. Холодный пот не делал лучше, а только щипал обожженные спины. Дышать было сложно, горло горело от каждого вдоха. Мышцы гудели и просили помощи. Ноги подкашивались. Но все мы усердно старались сохранять равновесие.

— Закончили! — наконец крикнула мадам Торрин.

Ближе к вечеру я все же решился поговорить с Элирой. Приказ есть приказ. Да и мне было интересно, чем все это закончится.

Эльдрант мирно лежала на скамье. Только сейчас я по-настоящему рассмотрел ее.

Худенькая.

Маленькая.

Совсем еще девчонка.

И именно ее отец приказал мне очаровать.

Прекрасно. Просто замечательно.

Собравшись с мыслями, я подошел ближе и выбрал очень правильный момент. Она тихо шепнула:

— Хоть бы не уснуть.

— Уснешь и мне придется нести тебя в кровать, — как можно мягче сказал я, но заметил кое-кого через живую изгородь. Она одним своим появлением выбила из головы все мысли об Эльдрант.

Ко мне только сейчас пришло осознание, что я поступаю неправильно именно с ней. С девушкой, которая долгое время была моей единственной. Точнее, единственной в замке.

— ... следишь?

Услышал я обрывки слов Эльдрант.

— Нет. Просто ты всегда там, где я, — усмехнулся и опустил на корточки перед невестой. Теперь мое внимание было только для нее — незнакомки. И нужно было начинать действовать.

Обычно хватало пары красивых слов. Иногда букета. Иногда прогулки верхом. Иногда вообще достаточно было просто посмотреть чуть дольше обычного. Женщины редко оказывались сложными.

Одна прядь ее волос выбилась из незамысловатой причёс-

ки и я потянулся, чтобы убрать ее за ухо.

— Эй, Эльдрант?

.....

— Не думал, что я такая слабая? — перебила меня Эльдрант, — Простите, Ваше Величество! — она чуть поклонилась, а потом почти закричала, — Простите, что меня с пеленок учили быть твоей женой, а не махать мечом, как ее! Я с утра до ночи сидела в кабинетах учителей! Меня учили любить тебя! Без выбора!

Ее слова должны были хоть что-то во мне пробудить. Хотя бы жалость, но нет. Я оказался в такой же ловушке, как и она. Но я принял судьбу. Я знал, что мне нужно делать и для чего.

— Я не знал... — шепнул я, и отпустил ее руку. Нужно было хотя бы попытаться понять ее. — Скажи честно, ты хочешь, чтобы мы...

Следующие слова так и не сорвались с языка.

— Отъебись, Рейнар!

Она ушла, даже не оглянувшись. Я проводил ее взглядом и невольно усмехнулся. За всю жизнь еще ни одна девушка не посылала меня настолько искренне.

Кажется, впервые в жизни я не вызвал ничего, кроме раздражения. И, как назло, именно эту девушку мне предстояло влюбить в себя.

Глава 6

Школа жила своей жизнью — шумной, тесной, чужой. И в этой жизни мне отводилась одна роль: та, о которой шепчутся.

Я чувствовала это кожей. Взгляды цеплялись, скользили, задерживались слишком долго. Стоило мне появиться в коридоре — разговоры глохли, чтобы тут же вспыхнуть за спиной. И все сводилось к одному имени.

Рейнар.

Знал ли он об этом?

Вряд ли.

Мы почти не пересекались. Он — третий год. Я — первый. Разные занятия, разная жизнь. Иногда — коридоры. Как сейчас.

Я заметила его раньше, чем успела отвернуться. Высокий. Спокойный. Слишком уверенный в каждом движении — будто мир давно подстроился под него. Он шел, не оглядываясь, и люди сами расступались.

А рядом — она. Алисáндра Морéлия. Дочь генерала. Та, рядом с которой все становилось очевидным.

Правильная пара.

— Лира?

Голос зацепил, как крючок, и я остановилась.

— Рейнар... — выдохнула, заставляя губы сложиться в

улыбку.

Алисáндра молчала. Ее взгляд медленно скользил по мне, задерживаясь на каждой детали. Так смотрят на вещь, прежде чем решить, стоит ли она своей цены. Воздух будто загустил. Грудь болезненно сжалась.

— Как успехи?

Его спокойствие казалось неуместным. Будто все произошедшее не имело никакого значения.

По коридору кто-то прошел, задел плечом. Шепот прокатился волной — негромкий, но цепкий. Я не слышала слов, но знала их смысл. Всегда один и тот же.

— Это все, что ты хотел? — голос вышел холоднее, чем я ожидала.

Улыбка принца исчезла, уступив место напряжению. Рядом с ним Алисáндра едва заметно повела плечом — недовольство мелькнуло и тут же спряталось.

Я завела руки за спину. Пальцы сами нашли друг друга и сильно сжались.

— Рейнар?

Раздался новый голос.

Мы обернулись.

Рыжий. Веснушки. На губах играла легкая, почти беззаботная улыбка.

На одно короткое мгновение мне показалось, что все будет хорошо.

— Это та самая? Меньше минуты?

Ошибка.

Он смотрел на меня так, словно перед ним разворачивалось увлекательное зрелище.

— Это моя невеста, — жёстче, чем раньше, сказал Рейнар. Я вздрогнула.

Невеста.

Одно-единственное слово больно кольнуло где-то внутри. Но парень лишь прищурился:

— А она тогда кто?

Рыжий указал на Алисандру. И на мгновение воздух вспыхнул. Я увидела, как у нее напряглись губы. Как взгляд стал острым. Холодным. Но она молчала.

— Что-то хотел? — с презрением спросил Рейнар.

Парень снова повернулся ко мне:

— Хотел спросить... Не сходит ли принцесса со мной на свидание с приятным продолжением?

Парень подмигнул мне. А его улыбка вызвала во мне отвращение. Что-то внутри щёлкнуло. Пальцы громко и резко хрустнули. Я выдохнула, чувствуя, как слова сами поднимаются к губам.

— Вы, блядь, издеваетесь...

Голос вышел тише, чем хотелось, но в нем не осталось ни страха, ни попытки понравиться. Развернулась, почти резко.

Шаг.

Еще один.

Нужно уйтисейчас. Пока не задохнулась здесь.

За спиной раздался глухой удар, но я не обернулась. Мне было не интересно знать ни о парне, ни о принце, ни о Сандре. Все это было решено запереть в тот ящик, который никогда в жизни не откроется, оставив все их мысли и жизни в неизвестности для меня.

— А что не так? Определись!

Прозвучало отчётливо. И слишком точно. Что даже вызвало улыбку.

Ноги сами понесли меня вперед.

— Элира Эльдрант, — позвал меня чей-то грубый, хриплый голос.

У двери с табличкой *«История»* стоял мужчина лет сорока. Темная мантия скрывала его фигуру, пышные рукава — руки. Время почти не тронуло его лицо. Только волосы пропускали седину. Голубые глаза с улыбкой смотрели на меня.

— Да? — ответила я.

— Прошу в мой кабинет.

Мужчина открыл дверь и подождал, когда я войду.

— Меня зовут Мэррел Томпсон. Я буду вашим учителем истории.

— Урок истории будет только... — начала я, но мужчина меня перебил:

— Через два дня. Да, верно.

Он поспешил занять место за своим столом, который был чуть выше, чем ученические.

— Его Величество сказал, что у вас есть вопросы о той

книге. Точнее о выжившем ученом, — его губы расплзлись в довольной улыбке.

Меня осенило.

Он тот самый.

Раскрыла рот от удивления. Голова на миг опустела. Руки схватились за край стола.

Храм был обнаружен околопятиста лет назад. Сколько же было Томпсону?!

— Как...? — это все, на что у меня хватило сил.

— Понимаю ваше замешательство, — начал он с улыбкой, — Я и сам был в таком же, когда в шестидесятый день рождения обнаружил, что выгляжу и мыслю в сотни раз лучше своих сверстников.

Меня будто пригвоздило к месту. Перебивать его не хотелось. Пусть он все расскажет. Уверена, мистер Томпсон знает, что говорить и без моих вопросов. Мне нужно отойти от шока и тогда спрошу о том, что он еще не рассказал. Но пока...

— Когда мой друг приближался к чаше я заранее знал, что он не выживет, — его глаза наполнились скорбью.

Даже спустя столько лет он не потерял человечность и не забыл своего друга.

— Я кричал ему. Просил вернуться назад. А он даже не обернулся. Я кинулся за ним. Но не смог пройти. Передо мной словно невидимая стена выросла.

Мысли заметались. Глаза тоже.

Значит ли это что чаша пускает к себе человека, не обладающего силой, чтобы восполнить свои? Но погодите...

— Не хмурьте брови, принцесса Эльдрант, — улыбнулся учитель и продолжил, — Я заведомо знаю ваш вопрос. И отвечаю: мы до конца не понимаем, как работает чаша. Но я почти уверен, что она видит душу. За столько лет я все еще не могу говорить точно так как храм исчез. Или... — он сделал паузу и я продолжила за него:

— Или переместился....

— Верно! — вскрикнул мистер Томпсон, — Я его не нашел. К сожалению. Но мы не оставляем попыток. Вы же помните случай того мальчишки?

— Он заморозил пруд. Причин не описывалось, — ответила я. Шок постепенно меня отпускал, а мысль, что передо мной сидит человек, которому больше пятиста лет, взрывала мозг.

— Именно! Дело в том, что мальчик был склонен к плохим вещам. Говорили, что он был сыном какого-то богатого купца и рос в дозволенности. В тот день он почувствовал в себе силу и решил испытать ее на дочери пекаря. Ради забавы. Он заморозил не просто пруд. Он сделал его могилой для пятилетней девочки.

Дух ушел в пятки.

Ей было пять.

В груди закололо так сильно, что я нахмурилась.

— Мальчика казнили на гильотине. Как только его голова

коснулась земли, он испарился точно так же, как и мой друг.

— Пойдите... — меня охватила паника и осознание, — Важна не чаша, — я на секунду замялась, засомневалась, — Важна кровь в ней.

Томпсон только кивнул.

Сорвалась с места и начала ходить по кабинету кругами. Мысли бились друг о друга, как хищные птицы, борясь за право вырваться первой.

— Чаша видит душу... — шепнула я себе, — Но, мама говорила, что только Боги видят душу. Значит ли это, что кровь в чаше принадлежала Богу? И если это так, то сам Бог наделяет силой?

Сама мысль, что я когда-то буду говорить о Богах и магии настолько серьёзно, рождала нервный смех. Посмотрела на учителя. Искала хоть один знак, что иду по верному пути.

Томпсон сложил руки на груди. Серьёзно глянул на меня и тихо сказал:

— Продолжайте...

Лицо озарилось улыбкой. Море эмоций окутало меня разом. Пальцы задрожали.

— Значит... — начала я осторожно, стараясь не запутаться в догадках, — если чаша видит душу... а кровь в ней — божественная... то... дело в душе?

— Верно, — тихо кивнул Томпсон.

— Но... — я на секунду замолчала, вспоминая разговор с мамой, — Души ведь не только светлые. Но и темные.

Я замерла, обдумывая каждое следующее слово.

— Но если Бог видит, что душа темная, то почему наде-
ляет магией?

Бросила короткий взгляд на учителя. Он сидел неподвиж-
но. Внимательно смотрел, ожидая следующей моей мысли.

— Но ведь не каждый, кто прикоснулся к чаше, обрёл ма-
гию. Значит Боги видят заранее, сможет ли человек принять
ее. А те, кто не готов, — обречены на смерть... — я замя-
лась, пытаюсь уложить это в голове.

— Именно, — Томпсон тяжело вздохнул.

— Поэтому ваш друг...

Я сделала шаг вперед, взгляд загорелся пониманием.

— Значит они ищут сосуд, — мои пальцы сжались в ку-
лаки.

— Да, — кивнул учитель.

Я глубоко вздохнула. Страх и осознание силы перепле-
лись с решимостью.

— Значит, кровь ищет сосуд... — тихо повторила, почти
про себя, — И вы первый.

Глава 7

Следующие недели слились в одно и то же утро.
Мария приходила,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.